

К О Л Ъ Е
Б А Р Б А Р Ы

СЕРИЯ «СВЯТЫЕ»

Александр Костенко

Колье Барбары

«Издательские решения»

Костенко А.

Колье Барбары / А. Костенко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-515932-8

Даже в страшном сне не может пригрезиться то, с чем майор ФСБ Ростова столкнется в мирном и овеянном древними легендами небольшом белорусском городке Несвиже. Распутывая серию загадочных убийств, Ростова и предположить не может, что поиски семейной реликвии князей Радзивиллов неожиданно втянут ее в круговорот страшных событий прошлого, заставят вступить в схватку с опасным и жестоким противником, кровавый след которого тянется с лета 1942 года...

ISBN 978-5-00-515932-8

© Костенко А.
© Издательские решения

Содержание

Часть первая	6
Колье Барбары	6
Беларусь, Несвиж, наши дни	9
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Колье Барбары

Александр Костенко

© Александр Костенко, 2020

ISBN 978-5-0051-5932-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая

Колье Барбары Москва, наши дни

Настойчиво пиликающий звук телефона разбудил меня посреди ночи. Нашарив на прикроватной тумбочке трубку и прижав её к уху одной рукой, второй я тщетно пыталась нащупать кнопку светильника. Так и не найдя выключатель, я скосила глаза на мерцающий в темноте зелёный дисплей и очень удивилась, – судя по номеру, звонили из-за границы. Тряхнув головой и отгоняя таким образом последние остатки сна, я как можно бодрее ответила:

– Слушаю.

В трубке некоторое время слышались только приглушенные и невнятные звуки, очень напоминающие детские всхлипывания. Потом знакомый голос едва слышным шёпотом спросил:

– Наташка, это ты?

– Конечно я, ты же мне звонишь. Тамара, что случилось? Где ты? – я с большим трудом узнала сильно изменившийся голос подруги.

– В Белоруссии. Ты можешь срочно приехать?

– Куда? В Белоруссию? Сейчас? Ты в своём уме? – Я бросила взгляд на часы, – шёл третий час ночи.

– Именно сейчас. Наташка, мне грозит серьёзная опасность. Они сказали, что убьют меня, – в трубке опять послышались всхлипывания.

– Подожди, объясни толком, что там у тебя происходит? Только по порядку. – От моей сонливости вмиг не осталось и следа.

– Наташка, сейчас я не могу ничего тебе рассказать, прошу только об одном – срочно приезжай.

– Томка, ты ставишь меня в абсолютно тупиковую ситуацию. Сейчас половина третьего ночи. Через пять часов я должна, как штык, быть на работе. Ты что, предлагаешь мне позвонить генералу в такую рань, чтобы отпроситься с работы?

– К чёрту твою работу! Позвонишь и всё объяснишь Тарасову утром. Или, боюсь, мы уже не увидимся с тобой никогда, – Томка опять разревелась.

– Где ты хоть находишься? И почему одна? Куда подевалась вся твоя охрана? Жорик где? – Вспомнила я высоченного под два метра здоровяка, бывшего сотрудника ГРУ, а в последнее время начальника охраны Томкиного предприятия, который постоянно и повсюду, насколько я помнила, следовал за Томкой, как тень.

– Я в санатории «Магнолия», это в трёх километрах от города Несвиж в Белоруссии. А Жорика больше нет, его убили. Со мной теперь никого нет, я совсем одна, – судя по звукам, долетавшим до меня из трубки, подруга опять забилась в истерику.

– Слушай внимательно. Сиди в номере, дверь никому не открывай. Дождись меня. Я сейчас же выезжаю. Ты поняла? – Сказала я, стараясь придать своему голосу как можно больше оптимизма.

Ответа я не услышала, в трубке внезапно что-то щёлкнуло, и сразу послышались частые гудки. Я похолодела и стала судорожно набирать номер, с которого звонила Томка.

«Набираемый вами номер не существует», – механическим голосом отвечал мне мобильник раз за разом.

– Наверное, неправильно определился номер входящего звонка, – решила я и в растерянности плюхнулась на диван. С чего начать? Я не представляла. Мысли путались, сосредоточиться на главном никак не удавалось. Прежде всего, нужно позвонить на работу, оперативному дежурному, – я схватила телефон:

– Дежурный Панков, – услышала я голос Виталия, – слава богу, – мысленно перекрестилась я, – что сегодня дежурит именно он.

– Виталик, привет – это Ростова беспокоит, будь так добр, запиши информацию для Тарасова, – я на мгновение задумалась.

– Наташка, и чего тебе только не спится? Сама колобродишь по ночам и другим работу придумываешь, ладно, давай диктуй, – зашуршал бумагами Панков.

– Записывай. Срочно выезжаю в Белоруссию. Санаторий «Магнолия», Несвиж. Пока буду в дороге, если есть такая возможность, свяжитесь с белорусскими коллегами. В данном санатории проживает гражданка России Тамара Александровна Лурье. В каком именно номере, не знаю, сейчас обратной связи с ней нет. По её словам, ей угрожает серьёзная опасность. Пусть местные конторские её подстрахуют до моего приезда. По прибытии сразу свяжусь и доложу подробности. Подпись – Ростова. Всё записал?

– Записать-то я записал, вот только генерал тебя точно по головке не погладит за такую самодеятельность.

– Виталик, не учи отца е... – разозлилась я, – Тамара – моя самая близкая подруга, и если ей действительно угрожает опасность, то я должна быть рядом. Всё, я уже в седле.

– Ты там только поосторожнее, а генералу я всё попробую объяснить, – смягчился дежурный. – И ни о чём не беспокойся. Посты ГИБДД я предупрежу. Ты ведь на своей машине поедешь?

– Да.

– Тогда удачи. Если что, я на связи, – буркнул Панков и отключился.

Я швырнула телефон на диван и стала стремительно собираться в дорогу.

Дождь лил как из ведра, дворники моего «Лендровера» метались по лобовому стеклу с максимальной скоростью, но всё равно водяная плёнка сильно мешала обзору. Всполохи фар встречных машин, к счастью, редких в такую рань, безжалостно и до боли резали глаза. Я посмотрела на спидометр – сто двадцать. Конечно, мой автомобиль мог бы лететь гораздо быстрее, но я решила не рисковать. На такой мокрой дороге даже на полном приводе можно запросто оказаться в кювете. Те, кто слышал о таком специфическом явлении, как аквапланирование, – меня поймут. Дорога и уверенный рык мощного мотора немного успокоили мою нервную систему и привели мысли в некоторый порядок. Зная Томку много лет, я была на сто процентов уверена, что и на этот раз она влипла в какую-то очень серьёзную историю. И всё – исключительно благодаря своей бесшабашности. Такой уж она человек. Едва на горизонте появлялся какой-либо редкий исторический предмет, суливший в будущем неплохую прибыль, моя подруга мгновенно делала охотничью стойку и срывалась с места. При этом для неё не имело абсолютно никакого значения, где находится вожделенная редкость – она была готова пересекать меридианы, переплывать моря и океаны, и всё это спонтанно, без какой-либо предварительной подготовки. Дело в том, что Тамарка – основатель и полноправная хозяйка сети антикварных магазинов, и по работе всё время мотается в поисках ещё сохранившейся старины по нашей необъятной стране, не забывая прочёсывать мелкой гребёнкой и зарубежные территории.

Впрочем, уже не раз вытаскивая подругу из различного рода крупных и не очень неприятностей, я давно убедилась, что служба безопасности поставлена у неё на достаточно высокий уровень. Она смогла подобрать неплохую команду профессионалов, сплошь состоящую из бывших сотрудников Главного разведывательного управления, оказавшихся не у дел, благодаря исключительно умению нашего государства разбрасываться направо и налево особо

ценными кадрами. И тот факт, что на этот раз вся её охрана оказалась абсолютно бессильной, говорил о том, что Томка всё-таки нарвалась. И по всей вероятности – очень серьёзно. Видимо, ставки в той игре, которую она затеяла, так велики, что даже я терялась в догадках, как ей помочь. Ситуация осложнялась ещё и тем, что после того, как полгода назад по моей просьбе генерал Тарасов, мой непосредственный и, не побоюсь этого слова, всемогущий начальник, подняв все свои и чужие связи, вызволил мою подругу, ни много ни мало, из вьетнамской тюрьмы, мне было недвусмысленно указано на то, что данное содействие генерал оказывает мне в последний раз и больше я могу к нему с подобными просьбами не обращаться. Одному Богу известно, до каких верхов он дошёл, чтобы в буквальном смысле вырвать Томку из плена. Но, насколько я поняла, этим вопросом, помимо нашей конторы, где было задействовано несколько высокопоставленных чинов, дружно занимался ещё и весь МИД России. Чего это стоило нашему генералу, мне потом оставалось только догадываться. А посему, встречая на военном аэродроме в Чехове исхудавшую, но морально не сломленную в далёких «вьетконговских» застенках подругу, я жёстко и однозначно обозначила ей свою позицию в этом вопросе. Тогда мне показалось, что Томка всё поняла и со слезами на глазах дала мне клятвенное обещание, что впредь будет более разборчива в своих профессиональных вопросах. Но как видно, едва зализав раны, она вновь очертя голову бросилась в омут...

Хотя, честно говоря, что могло произойти в мирной и по определению спокойной Белоруссии со всей Томкиной охраной, мне было абсолютно непонятно. И как мог так подставиться Жорик, не побоюсь этого слова, профессионал до мозга костей, вне всяких сомнения знающий, как легко и быстро перебить дюжину врагов? Это уже находилось за гранью моего понимания. Увидев справа яркие и манящие огни автозаправки, я решила остановиться. Мой организм настойчиво требовал крепкого горячего кофе, а машина – хорошую порцию бензина. Пока сонная сотрудница автозаправочной станции мудрила с кофеваркой, я попробовала, наверное уже в сотый раз, набрать номер, с которого мне звонила Томка, и опять безуспешно. Успокоив себя тем, что до границы осталось не больше сотни километров, я, обжигаясь, залпом выпила кофе и снова села за руль. Незаметно рассвело. Проскочив границу братской Белоруссии, я несколько снизила скорость, поскольку справедливо полагала, что на территорию сопредельного государства влияние нашего оперативного дежурного Панкова вряд ли распространяется.

Беларусь, Несвиж, наши дни

Когда я подрулила к гостинице «Магнолия», был уже почти полдень. Вихрем влетев в вестибюль, я тут же попала в нехилые объятия двух мужиков в штатском с угадывающимися кобурами под пиджаками, которые, грамотно взяв меня в «коробочку» и ненавязчиво отгесив в сторону, поинтересовались – куда это дамочка, то есть я, так торопится. Выяснив, что меня интересует, в каком номере остановилась госпожа Лурье и на каком этаже находится этот самый номер, – мужики сразу насторожились. А я тут же поняла, что наткнулась отнюдь не на секьюрити гостиничного комплекса, а на коллег из дружественной нам белорусской конторы.

– Майор ФСБ России Ростова, – представилась я и, выдернув из кармана служебное удостоверение и внутренне боясь услышать самое страшное, уставилась на комитетчиков, один из которых, хоть и смутно, но вполне определённо кого-то мне напоминал.

– Нас предупредили о вашем приезде, – невозмутимо проговорил один из верзил, видимо старший. – С госпожой Лурье всё в порядке...

– Я могу её увидеть? – Бесцеремонно перебила я его и сделала попытку освободиться от железной хватки.

Хватка заметно ослабла, но всё ещё ощущалась, и довольно чувствительно.

– Ваша подруга сейчас находится в городской больнице под надёжной охраной. Поехали, мы вас проводим, а то врачам на этот раз пациентка попала с очень скверным характером. Без вас, сказала – слова не вымолвит.

Я пожалала плечами и, облегчённо вздохнув, направилась к выходу вслед за верзилами из белорусского КГБ.

Здание больницы располагалось в отлично отреставрированном старинном особняке, века этак восемнадцатого. Со всеми положенными таким зданиям по статусу высоченными колоннами и тяжелеными дубовыми дверьми при входе, декорированными большими бронзовыми, позеленевшими от времени виноградными листьями. Я потянула за витую, изящного литья ручку, массивная на первый взгляд дверь неожиданно легко поддалась, и я решительно ступила внутрь полутёмного прохладного холла. Поднимаясь по широкой лестнице и ступая по истёртым мраморным ступеням, я с интересом разглядывала необыкновенной красоты ажурные чугунные перила, явно изготовленные на заказ великолепным старым мастером. Мои провожатые не докучали вопросами, а просто молча показывали, куда идти – налево, направо и прямо. Наконец, мы упёрлись в совершенно тёмный тупик, в конце которого угадывалась дверь, около которой безмолвными изваяниями застыли двое охранников. Увидев, что незнакомая особа идёт прямо на них, но явно в сопровождении «своих», привставшие было со ступень сотрудников уселись обратно и мгновенно потеряли ко мне всякий интерес.

Я решительно распахнула дверь в палату и быстро прошла к единственной кровати, расположенной в дальнем правом углу и тускло освещённой ночником с зелёным абажуром. Полумрак в палате усугублялся наглухо задёрнутыми плотными темными шторами. Подойдя к кровати я, наконец, увидела Томку. Бледное прямо-таки пергаментного цвета лицо, спутанные каштановые волосы, худые белые руки с бьющимися под тонкой кожей синими ниточками кровеносных сосудов безвольно лежали поверх грубого шерстяного одеяла. При моем приближении веки подруги дрогнули, и она распахнула свои большие карие глаза, в которых я сразу увидела такой страх, что сердце моё тотчас сжалось. Строгую нравоучительную нотацию, которую я старательно сочиняла всю дорогу, тут же решила оставить на потом. Сейчас Томка явно нуждалась в первую очередь в участии и моральной поддержке и менее всего – в упрёках и нотациях с моей стороны.

– Вы не могли бы оставить нас минут на десять одних? – спросила я через плечо и услышав, как тихо притворилась входная дверь, взяла подружку за руку и негромко спросила:

– Ну, ты как?

– Как видишь. В общем, неплохо. Хотя бывали времена и получше, – едва слышно проговорила она.

– Ты не хочешь рассказать мне, что случилось? Каким ветром тебя занесло в Белоруссию? Меня после твоего звонка чуть инфаркт не хватил...

– Они позвонили и сказали, что убьют меня, если я не расскажу им всё... – Томка протянула дрожащую бледную руку и попыталась взять стакан воды с тумбочки. Это у неё не получилось, и я помогла подружке, наблюдая, как она жадно пьёт воду из немытого мутного стакана, громко лязгая о его край зубами. И меня снова накрыла волна нестерпимой жалости к близкому мне человеку.

– Томка, я понимаю, что тебе сейчас очень тяжело. Но всё же попробуй сосредоточиться. И, главное – ничего не бойся. Пойми, по крайней мере в настоящее время тебе абсолютно ничто не угрожает. Я теперь рядом с тобой, а там в коридоре, – я махнула рукой в направлении входной двери, – дежурят вооружённые до зубов сотрудники КГБ Беларуси, так что в данный момент ты находишься в абсолютной безопасности. Скажи мне, кто тебе звонил и угрожал? Только постарайся излагать всё как можно подробнее и, главное, по порядку. Ладно?

– Я попробую, честно. Всё началось примерно месяц назад. Я получила очень заинтересовавшее меня письмо по электронной почте от некоего Базиля, по крайней мере, он всегда, тогда, да и потом, подписывался именно этим именем. В своём письме он сообщил, что является прямым потомком последнего управляющего домом Радзивиллов в Несвиже. Да, не смотри на меня так, того самого, которого после своего бегства с Бонапартом оставил на своём хозяйстве Доминик Радзивилл.

– Эконом графа Радзивилла, – насколько мне известно, был пленён наступающими русскими войсками во главе с адмиралом Чичаговым и вскоре расстрелян во дворе родового замка графа, – смутно вспомнила я некоторые подробности.

– Глупости. Он остался жив. А не расстрелян и уж тем более не повешен во дворе замка, как утверждают некоторые историки, но это не суть важно. Главное, что эконом остался в Несвиже с прямыми указаниями от Радзивилла. И его распоряжения касались прежде всего того богатства, которым были буквально забиты залы замка Радзивиллов. Вот Базиль и утверждал, что его предком был как раз этот самый эконом, который, по бытующему ныне у некоторых невежд от псевдоистории мнению, был повешен во дворе замка на итальянском колодце русскими войсками после нечеловеческих пыток, которым якобы подвергли его, поскольку наступающая русская армия не нашла в захваченном замке абсолютно ничего. Залы были пусты. Но на самом деле всё было, мягко говоря, не совсем так. Но об этом позже. Как бы там ни было, но о несметных сокровищах Радзивиллов по всей Европе ходили целые легенды, а многие и воочию видели всю эту роскошь. Одни только фигуры двенадцати апостолов, отлитые из золота и серебра высотой в человеческий локоть и усыпанные драгоценными камнями, чего стоили. Хотя сейчас, в наше время, бытует мнение, что фигуры эти были отлиты в полный человеческий рост. Но это обычная заманиловка для искателей сокровищ. Настоящие же размеры золотых апостолов не превышали человеческий локоть. Была раньше такая мера длины.

– Томка, я столько лет тебя знаю и всё не перестаю тебе удивляться. И, честно говоря, абсолютно ничего не понимаю. Ну, скажи мне на милость, как можно в наше жестокое время быть такой доверчивой? Ведь по всей Европе наверняка живут несколько десятков, если не сотен, а может и тысяч прямых и не очень потомков князей Радзивиллов, и твой Базиль, следуя элементарной логике, должен был сначала выйти на них. И если ему действительно было что-то известно о местонахождении родовых сокровищ, то уж прямые наследники, я думаю, за ценой не постояли бы.

– Ты сама не даёшь мне сказать, всё время перебиваешь, – возразила Томка. – Действительно, Базиль приватно общался с несколькими представителями нашего рода...

– Вашего рода? Я не ослышалась? Я всё правильно поняла? Ты-то тут причём? – От такой информации у меня даже перехватило дыхание. Томка – родственница Радзивиллов? Нет, это уже слишком, даже для моей закалённой в боях нервной системы. Необходимо срочно поинтересоваться у медперсонала, какими таблетками её тут пичкали.

– Да. Ты не ослышалась. Я и сама сначала очень удивилась. Но Жорик ещё в Москве, две недели назад, провёл своё собственное расследование, и представляешь – всё сошлось. Правда, наши родственные связи с родом Радзивиллов очень дальние, как говорится, седьмая вода на киселе, но всё же. Так вот, ты права, Базиль действительно обращался с подобными предложениями и к другим отпрыскам Радзивиллов, и не единожды, но с презрением был изгнан ими вон.

– Всё равно непонятно, если твой Базиль является хранителем всех сокровищ Радзивиллов, то что именно подвигло его вообще кого-то искать?

– Вот! В этом-то всё и дело. В прошлом году в Швейцарии на него вышли очень неприятные типы самого что ни на есть бандитского вида и заявили, что знают всё. То есть, проще говоря, они сообщили, что им известно, что ключ от сокровищницы Радзивиллов, где до сих пор покоятся исчезнувшие сокровища, находится у Базиля. Как они это узнали, неизвестно, но поскольку они попали в самую точку, Базиль, сама понимаешь, здорово испугался. Ведь бежавший с Наполеоном Доминик Радзивилл приказал только надёжно спрятать сокровища, а что делать с ними дальше, он так и не сказал. Вероятнее всего, рассчитывал сам вернуться за ними. Но поскольку от него до самой его смерти в 1813 году не было больше никаких вестей, то потомки эконома так и продолжали хранить страшную тайну, передавая её из поколения в поколение. И вот спустя столько лет вдруг появились эти неизвестные. Базиль утверждал, что, по его мнению, угрожавшие ему бандиты были выходцами из России. Они и не скрывали того, что не имеют никакого отношения к древнему роду, и просто нагло потребовали отдать сокровища им. Теперь ты понимаешь, почему Базиль сразу бросился искать родственников князя? Он хотел передать тайну в руки наследников Радзивиллов и, таким образом, убить сразу двух зайцев – до конца выполнить свой долг и обезопасить себя и свою семью.

– Не понимаю, за чем же тогда дело стало? Отправил бы наследникам письмо с подробным объяснением, как найти скарбницу с сокровищами, и всё. – Пожала я плечами.

– Если бы всё было так просто! Ты, конечно, в целом права, но дело в том, что во всей этой истории была ещё одна загвоздка. Базиль не просто хотел раскрыть тайну клада наследникам Радзивиллов, а получить с этого некоторые, совсем незначительные дивиденды.

– Незначительные? – с сомнением покачала я головой, – что-то верится с трудом.

– Учитывая общую стоимость сокровищ, он просил совсем маленькую сумму. Можно даже сказать, просто смехотворную. Он подсчитал, что жалование его предка как эконома дома Радзивиллов составляло во времена Доминика сколько-то там, уже не помню, в золотой монете, а поскольку все его предки, свято храня тайну рода, оставались всё это продолжительное время как бы на службе у семьи Радзивиллов, то на сегодняшний день жалование, подлежащее выплате, составило бы примерно один миллион долларов США. Вот эти деньги Базиль и хотел получить взамен. Теперь понятно?

– Теперь, по крайней мере, мне совершенно ясно, почему его и на порог не пустили наследники Радзивиллов в Европе. Представляю, сколько подобных мошенников, как твой Базиль, бродит сейчас по всему миру в поисках таких легковых жертв вроде тебя. Ты хоть сама-то понимаешь, что взамен целого миллиона долларов ты в лучшем случае получишь кусок старой карты, которая, скорее всего, ни стоит и ломаного гроша. А в худшем – учитывая запрашиваемую сумму, просто схлопочешь пулю в свою бестолковую голову. И вообще, если хочешь знать моё мнение, то тебе просто в срочном порядке необходимо перечитать классиков, лучше

Ильфа и Петрова, тогда мозги сразу встанут на место. Надеюсь, деньги ты ещё не успела ему отдать?

– Нет, деньги в полной сохранности лежат в банковской ячейке. Но ты была бы абсолютно права, если бы не одно обстоятельство. В последнем письме, которое он прислал мне по электронной почте, было упоминание об одной семейной реликвии, а это, поверь мне, очень весомое доказательство того, что Базиль действительно владеет точными сведениями о местонахождении сокровищ.

– И какое же?

– Он упомянул о колье Барбары Радзивилл, – с вызовом выпалила моя подруга.

– И что из этого следует? – скептически усмехнулась я.

– А то, что ты можешь прошерстить все библиотеки мира или всю оставшуюся жизнь провисеть в интернете, но даже крохи информации об этом драгоценном колье нигде и никогда не найдёшь.

– Если о нём никто никогда не слышал и уж тем более не видел, то почему ты так уверена, что это колье вообще существует?

– Ты будешь смеяться, но именно про это колье мне часто и очень подробно рассказывала в детстве моя прабабушка.

– И что же такого особенного в этом украшении? – с улыбкой поинтересовалась я.

– А ты не смейся, – сразу вскинулась подруга, – это фамильная реликвия, привезённая из Константинополя Радзивиллом Бородатым, и преподнесённая им, как свадебный подарок, своей 16-летней невесте Лизавете Гаштольд. Кстати, тогда же это колье первый и последний раз видели на Лизавете во время церемонии коронации Великого Князя Литовского и короля Польского Александра Казимировича в Виленском Соборе. С тех пор...

– Знаешь, Томка, – перебила я её, – у меня от твоих рассказов уже голова кругом идёт, так что смеяться мне в ближайшем обозримом будущем, если события и дальше будут развиваться в таком темпе, действительно вряд ли придётся. Кстати, по телефону ты мне успела сказать, что начальника твоей охраны убили. Это правда?

– Откуда я знаю! Я так только предполагаю. Жора с водителем поехали на встречу с Базилем и до сих пор не вернулись. Мобильники у них не отвечают. Я не знаю, что и думать. А после этого мне позвонили эти... И самое ужасное – они абсолютно уверены, что Базиль мне уже рассказал, где спрятаны сокровища, – в Томкиных глазах опять задрожали слёзы.

– А на самом деле? – быстро спросила я.

– Наташка, ты что, мне не веришь? Мы с Базилем общались только по Интернету, поэтому я при всём желании не могла ничего узнать. Он же не дурак выдавать мне свою тайну, не получив за это ни копейки.

– А когда у вас с ним была назначена встреча?

– Три дня назад, в 16.00, недалеко от Несвижского замка.

– На эту встречу твои люди должны были приехать уже с деньгами? – строго спросила я.

– Да нет же! Говорю тебе – деньги лежат в банковской ячейке. Встреча планировалась только как предварительная. Базиль был предупреждён, что меня там не будет и все условия он может обговорить с моими доверенными людьми. Правда, сначала я тоже хотела поехать, но Жора меня отговорил, сказал, что это опасно и будет лучше, если сначала он сам всё проверит и осмотрится, что там к чему... – голос у Томки опять сел, и она горько заплакала.

– Успокойся, слезами ты им уж точно не поможешь. Может, всё ещё не так уж и плохо. Ты лучше скажи мне, на чём они поехали на встречу с Базилем? – я пересела на Томкину кровать и осторожно взяла подругу за руку.

– На моей машине – «Мерседес ML», серебристого цвета, номера московские – три семёрки.

– Ну хорошо, Жорик уехал с твоим водителем на встречу, а тебя они, что же, одну без охраны оставили?

– Нет, конечно. Со мной остался Славик. – ответила Томка и опять тяжело вздохнула.

– Ну и где теперь этот твой Славик? – нахмурилась я.

– Когда Жорка пропал, я отправила его на их поиски.

– Ну и?

– А он... – тоже пропал, – всхлипнула подруга.

В дверь деликатно постучали.

– Входите, мы уже закончили. – Я повернулась к вошедшим. Впереди важно шествовал врач, а за ним двое сотрудников КГБ Беларуси, сопровождавшие меня от гостиницы.

– Доктор, – тихо проговорила я, – моей подруге, как я вижу, вашими трудами стало уже значительно лучше. Но у меня к вам всё же будет одна очень убедительная просьба, не могли бы вы поддержать сию особу у себя ещё немного?

Удовлетворившись тем, что врач неопределённо дёрнул плечами, и расценив его жест как знак согласия, я погладила лежащую поверх одеяла Томкину руку :

– Полежишь, отдохнёшь тут несколько дней, ты пока ещё очень слаба. И не возражай, – силой уложила я подругу, намеревавшуюся было приподнять голову с подушки. – Так будет лучше для нас всех. И из этого помещения, очень тебя прошу, – я многозначительно обвела взглядом палату – ни шагу. Договорились?

Увидев, как Томка, обречённо закатив глаза, бессильно упала на подушки, я повернулась к сотрудникам КГБ, – как мне к вам обращаться?

– Ко мне можно просто – товарищ подполковник, – ответил мне неприветливый коренастый шатен с широко расставленными глазами и выделяющимся вперёд крупным носом. – А это, – кивнул он в сторону своего спутника, – капитан Рудович, он проводит вас в наше управление и ответит на все вопросы, естественно, строго в пределах вашей компетенции. Но сразу хочу предупредить – не думайте, что на территории нашей Республики вам дан некий карт-бланш. Просто звонил из Москвы генерал Тарасов и очень попросил нашего начальника по возможности оказать содействие, конечно, в разумных пределах...

Я внимательно пригляделась к капитану. Фамилия Рудович в моей замороженной голове вызвала некие стойкие, но пока непонятные ассоциации, к тому же этот молчаливый великан уже давно буквально пожирал меня глазами и явно хотел что-то сказать.

– Гришка? – Воскликнула я, наконец сориентировавшись в окружающем меня пространстве, и решительно протянула капитану руку.

– Ростова, неужели ты? – В свою очередь ошарашенно пробормотал Рудович, раскрывая мне навстречу объятия, – Наташка, вот не ожидал. А я всё смотрю – ты, не ты?

– Что, сильно изменилась? – Кокетливо повела я плечиком.

– Да нет. Просто всё это неожиданно как-то, – смутился Григорий. Столько лет прошло, а ты всё такая же.

– Да, такая же, что даже не узнал. Вот ты действительно изменился, вон как заматерел. Чуть руку бедной девушке не сломал.

– Ну, прости, я же не специально. Просто нас ориентировали... А, ладно. – Махнул он рукой.

– Я смотрю, вы давно знакомы, – ровным голосом встрял в разговор подполковник и подозрительно, как мне показалось, посмотрел на меня, – впрочем, тем лучше. Я вас оставляю, судя по всему, вам есть о чём поговорить. Капитан Рудович, разместите товарища Ростову в нашей гостинице, я думаю, ей необходимо отдохнуть после долгой дороги, и до завтра вы свободны. Я так полагаю, что дела наши скорбные вполне можно отложить до утра, – крепко пожал мне руку подполковник, прощаясь.

Когда за подполковником бесшумно закрылась стеклянная дверь, Рудович шагнул ко мне и снова заключил в свои объятия. Дыхание у меня тут же сбилось, и я, упёршись обеими руками в его могучую грудь, с трудом оттолкнула от себя.

– Гришка, задушишь же, – проворно отскочила я в сторону и сделала глубокий вдох.

– Ладно, поехали в гостиницу, по дороге поговорим.

– Слушай, Гришка, а ты сможешь мне устроить номер, в котором жила Томка? Ну, в том самом санатории? – И прочитав сомнение на лице друга, взяла его за руку, – ну, пожалуйста.

– Наташка, а зачем тебе там останавливаться? Тебе уже забронировали номер в нашей гостинице, там условия намного лучше, да и с кормёжкой...

– Вот я и смотрю, как тебя там откормили, – рассмеялась я, – только не обижайся, но мне хотелось бы всё же остановиться именно там.

– Да ладно, без проблем, если ты так хочешь, – развёл руками Рудович и, осторожно взяв меня под руку, направился к выходу из больницы.

Номер, который занимала Томка в санатории, скорее походил на одноместную больничную палату. Выкрашенные в казённый салатный цвет неровные шершавые стены, узкая железная панцирная кровать со скомканными простынями и сброшенным на дощатый, покрытый коричневой краской пол выцветшим верблюжьим одеялом. Прикроватная тумбочка с дверкой, сиротливо повисшей на одной петле. У окна с простыми ветхими ситцевыми занавесками – деревянный стол с поцарапанной полировкой столешницы и коряво написанным сбоку белой краской инвентарным номером, а рядом – самый настоящий венский стул, невесть каким образом попавший в это заведение. Я тоскливо обвела помещение взглядом, который прошёлся по стенам, мебели и полу, пока не упёрся в деревянную филёнчатую дверь, на зелёной крашеной поверхности которой белел листок, криво прикреплённый ржавой канцелярской кнопкой. Я подошла ближе и прочитала: «За кипятком обращаться к дежурной по этажу». Эта фраза, напечатанная даже не на принтере, а на допотопной печатной машинке, молниеносно вернула меня лет на двадцать пять назад, в моё пионерское детство. Грустно улыбнувшись, я посмотрела на Гришу и почувствовала, как на глаза сами собой наворачиваются слезы. Я достала носовой платок и прошептала:

– У тебя выпить есть?

– Сейчас принесу, – быстро ответил Рудович и бесшумно испарился.

Я присела на скрипучую кровать, и только тогда до меня дошло, что, как это ни прискорбно, но Томка не сказала мне всей правды. Ещё раз бегло осмотрев убогую обстановку вокруг и попытавшись представить свою избалованную «палас-отелями» и «люксами» с европейским качеством обслуживания подругу в этом помещении, я вдруг отчётливо поняла, что Томка по своей воле никогда в жизни даже на пушечный выстрел не приблизилась бы к этому санаторию. А раз так, то, следовательно, сразу встаёт вполне закономерный вопрос: как она сюда попала?

– Ну, чего застыла, тоскуешь по Союзу? – Услышала я весёлый голос Рудовича, вернувшегося с выпивкой и объёмным свёртком под мышкой. – Сполосни стаканы, сейчас вздрогнем, вспомним нашу пограничную заставу. В общем, посидим по-людски. Я тут деликатесов тебе всяких наших белорусских накупил.

Я взяла с тумбочки два мутных гранёных стакана, повертела их в руках и вопросительно посмотрела на друга.

– Удобства на этаже, как выйдешь, направо и до конца коридора, – хохотнул Рудович, – я же тебя предупреждал.

Когда я вернулась, Рудович, предусмотрительно расстелив на столе газету, уже настрогал закуску. Запах копчёностей я услышала ещё из коридора и с тоской подумала о том, что

у нас в России почему-то совсем разучились делать хорошую колбасу. Наши гастрономические изделия даже ведущих заводов не идут ни в какое сравнение с тем великолепием, которое сейчас было небрежно разложено на газете. Вдохнув дразнящий запах деликатесов, я почувствовала, как мой рот стремительно наполняется слюной и, не в силах более справляться с чувством голода, нарастающим с каждой секундой, я кивнула Рудовичу на бутылку. Тот проворно скрутил пробку, разлил водку по стаканам и, подняв свой, сказал:

– Наташка, давай за встречу!

Я согласно кивнула головой и, быстренько опорожнив тару, набросилась на закуску.

– Ты прямо как из голодного края приехала, не торопись – хорошая еда спешки не терпит, – усмехнулся Рудович краешком рта.

– А давай, нашу споем? – Попросила я, наконец насытившись и откинувшись на деревянную спинку стула.

– А давай!

И вот последний боевой расчёт,
Прекрасен он, как древние обряды, – затянул он.
Зазуммерят в ночи колокола, колокола,
В последний раз я обзвоню наряды, – подхватила я.

Прощай застава, правый, левый фланг.
Скажу: кури, ребятам по привычке,
Через шлагбаум не спеша пройду,
А в двадцать три уходит электричка.

И вот я дома – тихо мирно сплю,
Смотрю кино, хожу по магазинам.
Уже давно не бегаю «в ружьё»
К тому ручью, к тем каменным руинам...

Потом я немного по-женски всплакнула, и мы выпили третий тост, молча встав из-за стола, за тех погранцов, которые ушли в наряд и не вернулись.

– Наташка, ты расскажи хоть о себе, столько лет ведь не виделись. Семья, дети есть?

– Какая семья с нашей работой, – махнула я рукой, – сам знаешь.

– Это точно. Ну, а вообще-то как?

– Работаем себе потихоньку. Ты лучше расскажи про себя, да про городок ваш расчудесный.

– Ну о работе нам рассказывать строго запрещено. У нас контроль за личным составом сейчас покруче, чем был в союзном КГБ. А в остальном всё как у всех. Женат, сыну три годика. В общем, на личном фронте всё в порядке. А вот город наш действительно интересный. На каждом шагу, как говорится, застывшая история.

– Обожаю всякие страшные истории и древние легенды, – потёрла я руки, забралась на кровать с ногами и приготовилась слушать.

– Итак, Несвиж. Место очень древнее и, не смейся – действительно очень нехорошее, как говорили в старину, но это скорее всего потому, что город наш был построен на непроходимых болотах. И чувствуешь себя здесь, как в сказочном королевстве, где буквально всё окутано старыми легендами и седыми преданиями. Порой, мне кажется, что тут на каждом шагу можно встретить призраков из прошлого – королей, королев и придворных дам в роскошных нарядах. Вот в этих-то гиблых местах и решил один из первых Радзивиллов построить своё родовое поместье. Основателем Несвижской ординации считается Николай Христофор Радзи-

вилл по прозвищу «Сиротка». Жил он в середине шестнадцатого – начале семнадцатого века. И умер, если мне не изменяет память, в 1616 году. Князь много путешествовал по Европе. Особенно ему понравилась Италия. Вот он и решил построить свой родовой замок в итальянском стиле на берегу большой реки. Но здесь протекала только небольшая речушка Уша. Быстрая и коварная, с заболоченными берегами. Но Сиротка все-таки решил воплотить свой замысел в жизнь и пригласил итальянских архитекторов, которые и построили в самом сердце Княжества Литовского классический город эпохи Возрождения.

Сам Радзивилл, основатель поместья, был представителем очень древнего польского княжеского рода, и приходился родственником, считай, половине европейских королевских фамилий. По натуре своей он был средневековым распоясавшимся феодалом – большим любителем поглумиться над соседями. Поместье своё он построил на высоком холме в месте, как я уже говорил, окружённым непроходимыми болотами. А вокруг замка приказал вырыть глубокие рвы и заполнить их водой.

Развлекались князья в то время тоже довольно своеобразно: поджигали соседним помещикам поля с посевами, отлавливали по всей округе и с удовольствием портили чужих молодых девок, после чего возвращались в свой замок, поднимали навесные мосты и, таким образом, надёжно ограждали себя от мстителей.

– Ну, естественно. Как же без девок-то обойтись? Понимаю – лучшего развлечения и не сыщешь. Правда, Рудович?

– Ну не знаю, – пожал плечами Рудович. – В те времена подобные забавы феодалов были широкой распространены.

– А название-то такое откуда взялось? – спросила я.

– О, по этому поводу у нас существует целая легенда. История названия «Несвиж» как раз и восходит к древнему преданию, связанному с одним из Радзивиллов, правда, неизвестно, с каким именно. Охотился этот князь на медведя в местных лесах. Ранил одного, но добыть не смог – медведь ушёл в лес. Пошёл охотник по следу зверя и через некоторое время нашёл медведя мёртвым. Князь посмотрел на него и сказал: «Несвеж...»

Так, говорят, и родилось название поместья, а затем и нашего города. Городом, правда, назвать его сложно, больше он напоминает посёлок. С вашей Москвой, конечно, не сравнить. Сама видела – все каменные дома по пальцам пересчитать можно, а многоэтажных и того меньше. Несколько пятиэтажек да один гастроном.

– Это там, где колбаска вкусная продаётся? – прищурилась я, – да водочка чистая, аки слеза?

– Там. Но самые интересные постройки в округе – это замок Радзивиллов и Фарный костёл. Кстати, костёл считается вторым по величине во всей Белоруссии. Есть ещё развалины Женского Бенедиктинского монастыря, но там всего одна башня осталась и, говорят, подземелья. Въездные ворота костёла изображены на всех гербах Радзивиллов, а внутри – княжеская родовая усыпальница Радзивиллов. Зайдёшь – в подвалах сплошные каменные гробы.

– Наверное, жуткое местечко? – поджала я ноги на диване и плеснула себе ещё водочки.

– Рассказывали, что в этом костёле в советское время работали учёные-археологи, кстати, из Москвы. Изучали секреты бальзамирования. Вытащили один саркофаг из родовой усыпальницы, открыли, а в нём девушка лет восемнадцати – как живая. Лежит себе в розовом платье, как будто просто только что заснула. Представляешь, столько времени в гробу пролежала, и ничего с ней не случилось. За столько-то лет! А как гроб открыли, за несколько минут рассыпалась в прах.

– Прямо по Гоголю, – поёжилась я.

– От костёла, меж озёр от острова к острову и далее через парки, идёт дорога к дворцу. В поместье было разбито несколько парков. Самые большие из них – Английский и Старый. Потом покажу тебе.

Замок, конечно, красивейший, но сейчас здорово загажен, потому как при советской власти там долгое время функционировал санаторий КГБ со всеми вытекающими. А раньше, говорят, там даже лебеди белые, да и чёрные во рвах плавали. Сейчас, конечно, ничего подобного здесь уже не увидишь.

Из замка ведёт подземный ход, если память мне не изменяет, в деревню Альба. Километров пять длиной и такой ширины, что в нём якобы свободно разъезжались две телеги. Поговаривают даже, что в этой деревне жила любовница одного из князей Радзивиллов. Он и приказал прорыть этот ход для свиданий с милой. Раньше в этот подземный ход пускали туристов, но потом экскурсии прекратились, потому что люди часто там просто пропадали. И иногда целыми группами. В этом подземном ходе множество ответвлений, образующих целый лабиринт; туристу стоило свернуть чуть в сторону, и он мог уже не выбраться оттуда до конца жизни.

Входы и лазы в подземные ходы находят здесь до сих пор и, порой, в самых неожиданных местах. В 1959 году в подземелье Несвижского замка пропал целый пионерский отряд вместе с вожатыми. Бесследно. В общем, как в воду канул. А лет десять назад здесь случилась ещё одна страшная история. Пропали школьники. Как потом выяснилось – дети нашли в лесу провал в земле и решили посмотреть, что там. А это оказался лаз в подземный ход. Все трое погибли. Двое сразу задохнулись. А третий попытался наверх вылезти, но не смог. Так его и нашли – почти у самого выхода. Причиной гибели был, как полагают, скопившийся под землёй газ – метан. Но, людишки, бывает, разное поговаривают. Рассказывают чёрт знает что. А нашли мальчишек случайно – один шофёр мимо проезжал и заметил, что на обочине дороги второй день лежат бесхозные детские велосипеды...

С замком связано множество легенд и преданий. Рассказывают, например, что у одного Радзивилла было две дочери. Одна из них тайком от отца завела бурный роман с местным пастухом. Продолжалась их любовь, правда, недолго, так как влюблённых застал на месте преступления разгневанный князь. Наказание было страшным – девицу надёжно заперли в замке, а пастуха засекли до смерти. Узнав о смерти любимого, девушка выбросилась из окна темницы в ров, окружавший замок, и утонула. Говорят, похоронили их вместе, но лично я в это не верю. Потому как не могли в те времена похоронить рядом простолюдина и княжну. Но легенда гласит, что вскоре на месте их могилы вырос дуб, который вокруг оплела молодая сосна – у нас это считается памятником несчастной любви.

Вторая дочь князя тоже погибла при загадочных обстоятельствах. Однажды её нашли в одном из парков по грудь в снегу. Всё кругом было залито кровью, но на самом теле не было даже царапины, а вокруг на снегу – ни одного следа. Так и осталось загадкой, отчего она умерла.

Но самая известная легенда – это конечно же о Барбаре Радзивилл и её муже короле Сигизмунде.

– Рудович, если можно, то о Барбаре поподробней. – Попросила я и замерла в ожидании очередной жуткой истории. В общих чертах я, конечно, знала эту легенду, но услышать её из уст местного аборигена, первоисточника, так сказать, согласитесь, совершенно другое дело.

– История эта началась в 1547 году, когда Барбара Радзивилл тайно обвенчалась с Великим князем литовским Сигизмундом Августом. Тайный брак организовали братья Барбары Николай по прозвищу «Рыжий» и Николай по прозвищу «Чёрный». Но после тайной церемонии молодым пришлось расстаться. Король отправился добиваться официального разрешения на этот брак от Сейма, а Барбару отослал в Дубингяй, небольшое литовское местечко в 50 км от Вильнюса. Молодые поддерживали связь долгие полгода, обменивались письмами, посылали друг другу маленькие милые подарки. В 1548 году Сигизмунд Август, унаследовав после смерти Сигизмунда Старшего трон, наконец решился официально объявить о своей женитьбе и потребовал от Сейма признания Барбары польской королевой. Этому ожесточенно сопротивлялись мать короля Бона Сфорца и польские вельможи, опасавшиеся Радзивиллов,

как сторонников полной независимости Литвы от Польши. Но как бы там ни было, 7 мая 1550 года в Кракове Барбара была коронована, но уже 8 мая 1551 года, то есть всего через год, скончалась от неизвестной болезни. Гипотез гибели королевы было высказано великое множество, но за глаза все обвиняли в смерти королевы её свекровь – коварную итальянку Бону. По древней легенде, в знак примирения свекровь предложила Барбаре съесть яблоко, при большом количестве свидетелей демонстративно положила на блюдо спелый фрукт и разрешила его пополам. После чего одну половину съела сама Бона, а вторую Барбара. Как бы там ни было, но после такого акта примирения Барбара заболела и ушла в могилу менее чем за полгода. Говорят, что вероломная свекровь разрешила яблоко отравленным ножом. Причем, ядом была смазана только одна сторона ножа. Прах несчастной королевы был вскоре торжественно перевезён в Краков и захоронен в Кафедральном Соборе. Но после смерти Барбары родилась легенда, которая живет и поныне. Беззаветно любивший свою супругу король попросил известного в те времена колдуна пана Твардовского вызвать дух Барбары. И тот, по преданию, сделал это. Главным условием согласия пана Твардовского на этот ритуал была, клятва короля, что тот не должен был прикасаться к призраку. Король клятвенно обещал. Однако, когда из огромного зеркала вышла Барбара в белом платье, совсем как живая, король не сдержался, бросился к любимой и обнял её. Тут же раздался гром, призрак королевы растаял в воздухе, оставив после себя лишь смердящий трупный запах. С тех самых пор в замке и окрестностях стал часто появляться дух или привидение Барбары Радзивилл. Призрак получил даже собственное имя – Чёрная Дама. Его часто видят по ночам в Несвижском замке и в городских парках.

Есть у нас ещё и проклятое озеро – всегда абсолютно спокойное, без подводных течений и омутов. Раз в год это озеро забирает к себе человека – либо ребёнка, либо взрослого. Люди там всегда тонут в хорошую и ясную погоду при спокойной воде. Проклятие этого озера вроде бы тоже связывают с Чёрной Дамой. В тех местах растёт дуб, здоровый – в три объёма. В войну около него, как рассказывают, немцы расстреляли полторы тысячи евреев. Да и вообще, в этих местах происходит много таинственного, всего и не расскажешь. Вот, например, мне в детстве бабушка рассказывала, что когда была молодой, частенько видела, как бегущая через дорогу кошка вдруг делала кувырок через голову и дальше скакала уже зайцем. Представляешь?

– А, знаешь, Гриша, представляю. Даже очень хорошо. Работа у меня такая, так что не удивил, – развела я руками. – Но всё равно интересно. У нас в деревне, ну, там, где дача – тоже всё пропитано легендами, многие живущие там бабки болезни неизлечимые запросто заговаривают. Так что, друг мой ситный, суеверий и чудес средневековых везде хватает. Но иногда, как обо всём этом подумаешь – дрожь пробирает.

– Это точно, – Рудович зачем-то посмотрел на часы. – Ну всё – заочную экскурсию по нашему городу я для тебя провёл. Может, теперь ты поделишься своими проблемами? – внимательно посмотрел на меня Рудович.

– Я сама, честно говоря, особо не в курсе. Ночью мне позвонила подруга, та самая, которую вы по просьбе Тарасова охраняете, напустила туману, говорит, убить её хотят.

– Убить? – несказанно удивился Рудович, – ну в нашей Республике это вряд ли. Попугать – ещё поверю, но чтобы жизни лишиться? Вообще-то у нас здесь спокойно. А за что убить-то хотят?

– Понимаешь, Томка у нас хозяйка сети антикварных салонов. Занимается всякими древностями. Но что привело её в Белоруссию, я сама пока ещё не до конца понимаю, – слукавила я.

– Антиквариатом, говоришь? Ну, эта задачка как раз для первоклассника. Небось, сокровища Радзивиллов ищет? – Вдруг резко спросил мой друг и внимательно посмотрел мне прямо в глаза. – Что, угадал? – усмехнулся капитан. – А говоришь, не знаешь. Да ты не тушуйся, чем смогу – помогу. Только лучше твоей подруге поиском чего попроще заняться. Не один уже человек через эти сокровища голову здесь сложил. У нас в Беларуси даже специальный госу-

дарственный следственный комитет по поиску этих сокровищ создали. Ну, сама понимаешь, – как говорится, учитывая большую историческую и культурную ценность и так далее и в том же русле. Но результатов, честно тебе скажу – пока никаких. Все эти несметные сокровища ещё в наполеоновскую кампанию как в воду канули. Так что если хочешь моего доброго дружеского совета, то забирай свою подругу и быстренько возвращайтесь от греха подальше в свою Москву. Я могу отпроситься на пару дней и проводить вас до столицы, но это так, на всякий случай. На территории Белоруссии, конечно, вам опасаться нечего, а вот после пересечения границы всё может быть.

– Ты так говоришь, потому что Томку совсем не знаешь. Она если что себе в голову втемяшила, с места ни за что не сдвинешь. Кстати, ты не можешь проверить для меня сводки происшествий за последние несколько дней?

– Для тебя – запросто. А что конкретно интересует? – заметно напрягся Рудович.

– Было ли в последнее время, скажем, неделю, зафиксировано обнаружение каких-либо неопознанных трупов, – просто сказала я.

– А в чём дело-то? Подруга твоя, насколько я понимаю, жива и здорова, – поперхнулся лимонадом Рудович.

– Дело в том, – начала медленно колотиться я, – что несколько дней назад, по словам гражданки Лурье, у неё бесследно пропали водитель и начальник охраны. А это, смею тебя заверить, люди в высшей степени подготовленные, и просто так в обиду себя бы не дали. И работают они у Томки уже несколько лет, так что мне трудно представить себе обстоятельства, при которых они могли бы оставить мою подругу вообще без всякой охраны даже на несколько минут. По крайней мере, на моей памяти такое случилось впервые. Правда, Томка сказала, что Жора оставил с ней своего сотрудника, некоего Славика. А когда начальник охраны с водителем со встречи с Базилем не вернулись, Томка сама отправила этого самого Славика искать пропавших. Ну и тот, само собой, тоже пропал. И до сих пор никто из них не объявился. Согласись, ситуация складывается дерьмовая.

– Хорошо, я сейчас же позвоню и этот вопрос выясню. Только ты сама понимаешь, что если в последнее время что-то подобное было, то, считай, застряли вы здесь надолго. Опознания, допросы и прочие следственные действия у нас проводятся очень тщательно и без спешки. В двух словах – обстоятельно и не торопясь. Так уж заведено. Ну так что, я звоню?

– Звони. Всё равно этот вопрос необходимо прояснить. Томка без своей охраны с места не сдвинется. Не в её характере делать ноги, бросив своих сотрудников в беде. Даже если эти сотрудники – бывшие офицеры ГРУ.

– Ничего себе, – присвистнул Рудович, – как говорится, не было печали, да подруга приехала. Это я про тебя.

– Да уж поняла. Давай звони. – Я поудобнее устроилась на скрипучем стуле с бутербродом в руке, – и заодно проверь, не было ли каких ориентировок на автомашину «Мерседес ML» серебристого цвета, госномер российский – три семёрки, регион московский, – окончательно решила обнаглеть я.

...За ограждение из трепещущей на ветру красно-белой полосатой ленточки меня не пустили. Пока мы с Рудовичем добирались до места, совсем стемнело, и всё происходящее внутри ярко освещённого автомобильными фарами круга мне разглядеть не удавалось. Я видела только тускло отливающий серебром бок Томкиного автомобиля, который стоял на обочине с распахнутыми дверками, деловито снующих вокруг него экспертов-криминалистов, да кучку оперативников в штатском, понуро куривших в сторонке. Вокруг темнел лес и пахло ёлками. Начал накрапывать противный холодный дождь. Когда я уже выкурила, наверное, полпачки сигарет, ко мне, наконец, подошёл Рудович.

– В машине пусто. Вокруг на песке чёткие следы трёх человек. Давность примерно сутки-двое. Место довольно глухое, погода все последние дни стояла сухая и следы прекрасно сохранились. Эти трое некоторое время постояли около машины, а потом пошли вон туда. – Рудович махнул в сторону темнеющего леса. – Там старое заброшенное кладбище. Дальше овраг и замурованный немцами ещё во время войны вход в подземный ход. Сейчас кладка наполовину разобрана. Думаю, что это постарались такие же охотники за сокровищами, как и твоя подруга. По кладке видно, что разобрали вход давно. Щель довольно узкая, но при сильном желании, пусть и с трудом, туда вполне сможет протиснуться взрослый человек. Дай сигарету. – Рудович долго прикуривал на ветру, прикрывая зажигалку ладонями. Наконец, справившись с капризным пламенем, он крепко затянулся и, выпустив целое облако дыма, посмотрел на меня.

– Больше ничего? – упавшим голосом спросила я.

– Пока это всё. – Должен подъехать кинолог с собакой. Попробуем проработать след от машины, правда, сейчас уже и так понятно, что ведёт он в подземелье. Но до утра соваться туда всё равно не стоит. Ещё во время войны практически все входы под землю очень тщательно минировались немцами. Какие-то из них, правда, обезвредили после войны, так как по этим подземельям лазили по своим секретным делам энкэвэдэшники, но какие именно, сейчас уже не разберёшь. В любом случае, спускаться туда ночью – дело опасное, а главное – до утра абсолютно бесперспективное. Этих подземных ходов ещё во времена шляхты было нарыто многие десятки километров. Так что ты, наверное, лучше поезжай сейчас в гостиницу, я выделю тебе машину. И постарайся хорошенько выспаться. А утром я приеду и мы подумаем, что делать дальше. Всё равно, кроме брошенной автомашины, у нас сейчас ничего нет. А это в любом случае не повод для проведения каких-либо серьёзных оперативных мероприятий. Сама знаешь. Тем более, что у нас нет даже заявления твоей подруги о пропаже её охраны. Утром съездим в больницу, гражданка Лурье напишет заявление и мы подумаем, в каком направлении нам двигаться дальше. Да, и ещё. Я хочу, чтобы ты знала – получить санкцию на проведение поисковых работ в подземельях Несвижского замка будет очень непросто.

– Почему? – удивилась я.

– Видишь ли, это сопряжено с большим количеством сложностей, отнюдь не бюрократического характера. У нас с этим проще, чем у вас в России. Но ты должна понимать, что для получения санкции на обследование этих чёртовых подземелий нужны очень веские причины. А их-то как раз пока что у нас нет. Кроме того, подземные ходы очень опасны даже для опытных спелеологов, и разрешение на исследование таких объектов у нас в Беларуси возможно получить, только если в состав поисковой группы будут входить именно такие обученные специалисты. А их, насколько мне известно, у нас немного, да и базируются они, по-моему, где-то в Минске. Так что, в любом случае, на согласование и прочие формальности может уйти несколько дней. А за это время может случиться всё что угодно. В конце концов, ваши «потеряшки» могут сами объявиться, как ни в чём ни бывало. Такие случаи в нашей практике, сама знаешь, встречаются сплошь и рядом. Правда, – Рудович сделал паузу и, аккуратно затушив сигарету, убрал её в карман, – бывает и по-другому. Одериха, – подозвал он водителя, – отвезёшь московскую гостью в нашу гостиницу и сразу пулей обратно. Понял?

– Так точно, товарищ капитан, – вытянулся в струнку сержант, – разрешите выполнять?

– Выполняйте, – Рудович повернулся ко мне и, по-дружески обняв, чмокнул в щёчку, – завтра я к тебе заеду с утра, может, уже будут какие подробности, – с этими словами он дождался, пока я сяду в машину, и захлопнул за мной дверку...

Утром я проснулась от тихого стука в дверь. Посмотрела на часы и ахнула – половина десятого утра! Выползла из-под одеяла и, накинув халат, пошла открывать. На пороге стоял Рудович.

– Доброе утро. Ну ты как? Выспалась? – он вошёл в номер, и я сразу почувствовала, что от него пахнет свежестью и дождём, – ну и духотища у тебя. – С этими словами он подошёл к окну и распахнул створки.

– Привет. Подожди немного, я только умоюсь и приведу себя в порядок, – извиняющимся голосом пробормотала я и, чувствуя себя крайне неудобно от того, что только проснулась, в то время как Рудович, сразу видно, давно уже был на ногах, быстро заскочила в ванную комнату и плотно захлопнула за собой дверь.

– Ну что, удалось выяснить что-нибудь? – спросила я, выйдя из ванной и чувствуя восхитительный запах крепкого кофе.

– Удалось. Присаживайся. Давай быстренько позавтракаем, а то я с четырёх утра в бегах, голодный как чёрт. Мне тут жена наспех настругала бутербродов. – Рудович сделал приглашающий жест рукой.

– С удовольствием, – сказала я, присаживаясь к столу.

– Теперь о деле, – начал капитан, разливая из большого китайского термоса кофе. – Нашли мы ваших пропавших.

– Они живы?

– Увы. Ночью прибыла группа спелеологов из Минска. Меня сразу дёрнули на место. В общем, спустились мы в это подземелье. Жуткое местечко, должен я тебе сказать. – Рудович вздохнул. – Их нашли метрах в трёхстах от входа, вот посмотри, – он протянул мне стопку фотографий.

Я взяла снимки в руки. Скрюченные в предсмертной агонии тела лежали на тёмном песке недалеко друг от друга. Обезображенные гримасами ужаса лица мертвецов. Обрывки толстых верёвок на шее. Труп крайнего слева я узнала сразу. Это вне всяких сомнений был начальник Томкиной охраны Жорик, двух остальных я не знала. Жуть. Я вернула фотографии Рудовичу. Есть сразу расхотелось.

– Это они? – спросил Рудович с набитым ртом.

– По всей вероятности, да, – ответила я, – но я узнала только одного – Жорика. Остальных я никогда раньше не видела. Толстяк у стены, по всей вероятности – Базиль. А рядом с начальником охраны, скорее всего, Томкин водитель. Что с ними произошло? Судя по фотографиям, их задушили?

– В том-то всё и дело, что нет. У всех троих начисто отсутствуют признаки удушения – ярко выраженные странгуляционные полосы, вывалившиеся языки и тому подобные «прелести». Как, впрочем, и вообще какие-либо повреждения на теле. Но вот что совсем странно, – Рудович сделал паузу, – у всех троих обрывки верёвок на шее. И гримасы ужаса на лицах. Тебя ничего во всем этом не настораживает?

– Подожди, – я отставила чашку в сторону, – ты хочешь сказать, что они умерли от страха? А уж потом на шеи мертвецов накинули верёвку? Или сначала – верёвки? Ну это же полный бред! Не знаю, как насчёт остальных, но с Жориком, будь он в сознании, такой номер ни за что не прошёл бы. Я его знаю. Вернее знала, – поправила я, – бывший сотрудник ГРУ, профессионал до мозга костей. Томка рассказывала, что в своё время он воевал в составе группы «Альфа», брал дворец Амина в Афгане. Даже не представляю, что его могло напугать до такой степени, – я внимательно взгляделась в ещё одну фотографию. – А это что за надпись на песке? Экспертам удалось разобрать?

– Ну ты – глазастая. Надпись интересная, но, к сожалению, нам ничего не даёт. Во всяком случае пока. Видимо, перед смертью из последних сил толстяк или, как ты его называешь, Базиль, нацарапал на песке только одну фразу: «Колье Барбары». Тебе это о чём-нибудь говорит? Только честно.

– Никого я никак не называю, – разозлилась я. – Говорю же, опознать могу только Жорика. А насчёт остальных... это вопросы скорее к Томке. По поводу этой надписи на песке,

тоже лучше спросить у неё. Она мне говорила вчера что-то об этом злосчастном колье. Но я, честно говоря, слушала вполуха. Не придавала особого значения, – вздохнув, я виновато развела руками. – И всё-таки я никак не могу понять, каким образом удалось «завалить» Жорика? Я уверена, без фармакологии здесь не обошлось.

– Думаю, если на них воздействовали какой-либо химией, патологоанатомы при вскрытии обязательно найдут следы, – пожал плечами Рудович.

– Кстати, о следах. На месте происшествия на песке должны были остаться следы нападавших. – И ещё... Если мне не изменяет память, Жорка никогда не расставался со своим пистолетом. Он всегда таскал с собой наградной «ТТ». Его нашли?

– Пистолет лежал рядом с трупом, – покачал головой Рудович и протянул мне ещё одну фотографию, – что интересно, из пистолета были произведены аж восемь выстрелов.

– То есть, ты хочешь сказать, что Жорка стрелял, пока не кончились патроны? – удивилась я.

– Точно. Причём все выстрелы были произведены в одном направлении. Как ты догадываешься, в глубину хода. Но попаданий не было ни одного. Все пули нашли и извлекли из скальной породы. Вообще, должен тебе сказать, что пули искать долго не пришлось. Все они легли очень кучно, как говорится, «в десятку». Вот только в кого стрелял начальник охраны, абсолютно непонятно. Такое ощущение, что он почувствовал в глубине подземного хода какое-то движение или, что вероятнее, выпустил всю обойму на звук. Потому как если бы он видел цель, то при такой кучности стрельбы, сама понимаешь, попадание было бы стопроцентно. Но, – Рудович развёл руками, – повторяю: кроме трупов его самого и его спутников в подземелье никого более обнаружить не удалось. Так что, увы, ни следов крови, ни следов ног там нет. В общем, свежие следы на месте происшествия отсутствуют.

– Не поняла, в каком смысле отсутствуют? Там же везде песок, во всяком случае на фотографиях, – искренне удивилась я.

– В прямом смысле. Да, кругом песок. Но повторяю: кроме следов пострадавших в подземелье вообще больше нет никаких следов. Ну если, конечно, не считать разбитого зеркала.

– Какого зеркала? – встрепелась я. – Ты же сказал, следов никаких нет?

– Да ерунда всё это. Недалеко от трупов мы нашли кучу осколков от зеркала. Но стекляшки старые. Мутные все и с въевшимся налётом. Сразу видно – лет сто там валяются. Ох, и не нравится мне всё это, – вздохнул капитан. – Ладно, давай пока не будем заморачиваться. Сейчас главное – провести опознание всех троих. Начнём решать проблемы последовательно, по мере, так сказать, их поступления. Давай, все-таки поешь чего-нибудь, и погнали за твоей подругой. Может, она внесёт хоть какую-нибудь ясность.

– Есть не буду, – упрямо мотнула я головой. – Что-то расхотелось. Поехали, – покосилась я на бутерброды и, вновь почувствовав приступ тошноты, решительно встала из-за стола.

Мрачный прогноз Рудовича насчёт проблем оправдался на все сто процентов. Даже на двести. Это мы поняли сразу, как только подъехали к больничному корпусу, где лежала Томка. Также стало ясно, что о поступательном появлении неприятностей можно было уже точно забыть. Они обрушились на наши грешные головы с неумолимостью снежной лавины. Вся автомобильная стоянка перед больницей к нашему приезду уже была буквально забита милицейскими машинами. Я даже почувствовала, как внутри меня сразу что-то оборвалось и внизу живота образовалась неприятная холодная пустота. В груди же настолько быстро стал разрастаться ледяной ком, что стало трудно дышать. Едва мы въехали на территорию больницы и с большим трудом втиснули мой здоровенный «Лендровер» среди братьев его меньших, как у Рудовича настойчиво запиликал мобильный телефон. Капитан несколько секунд сосредоточенно хлопал себя по пиджаку, пытаясь сообразить, откуда идёт вызов. Наконец, нащупав трубку в нагрудном кармане, он выудил телефон и, едва выслушав неизвестного собеседника, с досадой саданул рукой по колену и всем корпусом развернулся ко мне.

– Твоя подруга исчезла из больницы. И, по всей видимости, не по своей воле, – последние слова Рудович договорил, уже выскочив из машины и устремившись к синему микроавтобусу, на котором, как я сразу догадалась по красной надписи по борту машины: «Съледчае ўпраўленьне Беларусі», прибыла дежурная бригада следователей.

Я кинулась было следом, но мне тут же преградил дорогу здоровенный детина в серой милицейской форме с сержантскими знаками различия. Проворно наклонившись и прошмыгнув под его широко расставленными руками, я тут же оказалась в объятиях следующего.

– Рудович! – только и смогла крикнуть я, привлекая таким незамысловатым образом внимание своего друга.

Однако он, на мгновение обернувшись, бросил на меня лишь мимолётный взгляд и досадливо махнул рукой: «Мол, подожди пока там». Лишившись поддержки, я в считанные секунды была вежливо, но настойчиво оттеснена к своему автомобилю, где сержант приказал мне сесть за руль и немедленно покинуть территорию больницы. Я, едва сдерживая слёзы обиды и стараясь утихомирить бешеное сердцебиение, выехала за ворота и припарковалась на гостевой стоянке по другую сторону от полосатого шлагбаума.

Прождав битых два часа и изнывая всё это время от жары и нетерпения, я хотела было уже вернуться в гостиницу, как дверь машины распахнулась и в салон ввалился Рудович.

– Дай сигарету, – попросил он, – а то мои закончились. Закурив, он сделал несколько жадных затяжек и посмотрел на меня. Я его не торопила. По себе хорошо знала, как необходимо сделать паузу после всей лавины информации, свалившейся на голову и, вычленив главное, коротко и ясно изложить суть произошедшего, не тратя понапрасну лишнего времени на второстепенные подробности.

– Значит, так, – наконец собравшись с мыслями и аккуратно затушив сигарету в пепельнице, начал Рудович. – Вчера вечером, после того, как врачи закончили вечерний обход, медсестры раздали таблетки и сделали все процедуры, а больные улеглись спать, медперсонал разошёлся по своим помещениям. Врачи смотрели до полуночи футбол в ординаторской, сестры тихо отмечали день рождения своей коллеги в сестринской. Дежурная медсестра находилась на посту. Впрочем, изредка покидая его по нужде, но надолго не отлучалась. Словом, всё было как обычно. Таким образом, ночь прошла абсолютно спокойно. Неприятности начались только утром. Поскольку твоя подруга находилась в отдельном боксе и все уколы ей были назначены на одиннадцать утра, никто из медперсонала больницы к боксу до этого времени не приближался. Так вот. Ровно в одиннадцать медсестра отправилась в палату твоей подруги, чтобы сделать инъекцию. Она-то и подняла тревогу. Сначала ей показалось, что наши сотрудники, дежурившие около бокса, просто задремали. Она осторожно прошла мимо них и открыла дверь в палату. Не обнаружив пациентки на месте, она решила, что больная ещё не вернулась с завтрака. Но и в столовой пациентки не оказалось. Тогда медсестра отважилась всё же потревожить спящих охранников. И тут оказалось, что мирно сидящие в расслабленных позах лейтенанты КГБ Бровчик и Кухарчик мертвы. Место же нахождения твоей подруги на данный момент неизвестно. Очевидно только, что на территории больницы её нет.

Я во все глаза смотрела на Рудовича и никак не могла собрать свои мысли, как говорится, «в кучу». Услышанное мною было столь неожиданно, что мозг упорно не желал верить в происходящее. Видимо, прочитав полное смятение на моём лице, Рудович прикурил ещё одну сигарету и попытался утешить меня:

– Уже создана специальная следственная группа с самыми широкими полномочиями. И дело, как ты понимаешь, поставлено на контроль генеральной прокуратуры.

– А кое-кто только вчера пытался мне доказать, что на территории вашей Республики такое вообще невозможно. А тут мало того, что похитили человека, гражданина, заметь, другой страны, так ещё и ухлопали двух сотрудников КГБ. И что теперь ты намерен предпринять?

– Наташка, я нахожусь на службе и самодеятельностью заниматься позволить себе не могу. Да и тебе не дам. Всё очень серьёзно. Сначала погибли два бывших офицера «Альфы» и гражданин Франции, а теперь двое наших сотрудников. Твоя подруга явно влезла во что-то очень опасное. И у меня нет никаких сомнений в том, что все её рассказы про сокровища Радзивиллов она сочинила только для отвода глаз. Здесь дело явно в чём-то другом.

– В чём другом? – взорвалась я, – Томка занималась только антиквариатом. В детстве, сколько я её помню, она коллекционировала значки, марки, монеты и даже спичечные этикетки. Поэтому нет ничего удивительного в том, что, когда она выросла, у неё появился интерес к более серьёзным предметам старины. Все остальное – наркотики, политика, торговля оружием и нефтью, а также тому подобные вещи, которые ты, по-видимому, имеешь в виду, её совершенно не интересовали. Она в таких делах попросту абсолютно ничего не смыслила. Уж я-то знаю её, как облупленную.

– Ну это как на всю эту историю посмотреть. Ты сама говорила, что она провезла на территорию Беларуси просто астрономическую сумму, да ещё в валюте. Откуда ты можешь с такой уверенностью говорить, что она не могла ввязаться в какую-нибудь грязную историю с теми же наркотиками? Люди со временем меняются. – Рудович внимательно посмотрел мне в глаза и добавил, – тем более люди, располагающие такими большими деньгами.

– Чуть собачья, – уверенно заявила я, – ещё раз повторяю тебе, я уверена на все триста процентов: Томка приехала на поиски сокровищ Радзивиллов и не более того. Ваше право, конечно, прорабатывать и другие версии, но поверь мне на слово – вы только напрасно потратите драгоценное время. Кстати, сейчас у вас хоть какие-то рабочие версии уже наметились?

– По происшествию в горбольнице возбуждено уголовное дело по двум статьям – двойное убийство и похищение человека, – пожал плечами Рудович, – а дальше видно будет.

– Что будет видно? – свирепо вскинулась я, – будем ждать, пока не произойдёт ещё одно убийство? Моя подруга находится в эту минуту в смертельной опасности, а ты предлагаешь мне сидеть сложа руки и ждать, пока у вас появятся хоть какие-то версии? Ты что, издеваешься?

– Не кипятись. Я считаю, что, по крайней мере на данный момент, твоей подруге как раз ничего не угрожает. Самое страшное, что могло случиться, уже произошло. Её похитили. Согласись, если бы её хотели убить, то без особого труда сделали бы это ещё в больнице. Ведь так? Поэтому самое разумное, что мы можем предпринять на данный момент, так это разделить. Ты поедешь в гостиницу, постарайся успокоиться и обдумать всё не спеша, без эмоций. Ты же опер, в конце-то концов. Восстановишь в памяти все ваши с ней разговоры до мельчайших подробностей. Может, что и вспомнишь полезное. А я поеду к себе в отдел, поговорю с экспертами и операми. Возможно, они что-то тоже уже нарыли. Добро?

Рудович появился ко мне в гостиницу только под вечер. Причём злой, как чёрт. Что на него было совершенно непохоже. Скупно поздоровавшись и быстро скинув в прихожей промокшие насквозь туфли и плащ, как был, в мокрых носках прошлёпал к бару, оставляя за собой на паркете тёмные следы и, открыв стеклянную дверку, не мешкая, первым делом свернул пробку с литровой бутылки виски.

Наплескав себе полный стакан и опрокинув в себя приличную дозу крепчайшего напитка, капитан фыркнул, помолчал несколько секунд, видимо прислушиваясь к внутренним ощущениям, не спеша закурил и, блаженно вытянувшись в кресле, наконец изрёк:

– Извини, продрог до самых костей. Тебе плеснуть?

Я отрицательно качнула головой:

– Давай сначала о деле. Есть что-нибудь?

– Честно говоря, информации пока – кот наплакал. По трупам, обнаруженным в подzemелье, пока ничего не ясно. Официально, по результатам вскрытия, причина смерти – ВКС. То

есть внезапная коронарная смерть. Ты, я думаю, знакома с этим термином. Неофициально же эксперты называют причину смерти – страх. Я многое повидал в этой жизни, но с таким выражением ужаса на лицах покойников сталкиваюсь впервые. Это даже не страх в привычном понимании этого слова. Скорее у них на лицах застыла совершенно не поддающаяся описанию гримаса какого-то животного ужаса. Как вспомню, так до сих пор мурашки по всему телу. – Рудович опять потянулся к бутылке. – И ещё эти верёвки на шеях покойников. Эксперты утверждают, что на вид они очень старые и ветхие. А посему, задушить ими невозможно даже младенца, не то что троих здоровых мужиков. Но в любом случае обрывки верёвок отправлены на экспертизу. Думаю, что к утру уже будет результат.

– Уж не хочешь ли ты сказать, что эти верёвки не что иное, как некий знак, оставленный нам убийцей?

– Вот именно. Маньяком пахнет. Только этого нам не хватало, – вздохнул Рудович.

– В таком случае, убийство сотрудников Томкиной охраны никак не связано с её похищением. Просто оказались ребятки не в том месте и не в то время. Кстати, я тут прикинула: люди, которые вышли сначала на Базиля, а потом угрожали и похитили Томку, были совершенно не заинтересованы в смерти Базиля. Не стали бы они в самом деле резать курицу, которая должна была в скором времени им снести золотые яйца.

– Это как раз очевидно. Как, впрочем, и то, что эти люди решились на похищение твоей подруги только после того, как узнали о смерти Базиля. Вот только откуда они могли так быстро узнать о случившемся? Если они не причастны к убийствам в подземелье? Совершенно непонятно. А убедившись в том, что Базиль мёртв, они, что вполне логично, незамедлительно вышли на гражданку Лурье и, не желая больше рисковать, похитили её.

– Вероятнее всего они вели постоянное наблюдение за Базилем и всеми его перемещениями и контактами.

– Другого объяснения этому я пока не вижу. Хотя...

– Подожди, – остановила я его, – а что по вашим сотрудникам?

– Вот тут начинается самое интересное. – Рудович добавил в стакан виски, выпил и, поморщившись, взял бутылку в руку. – Смотри-ка, целых 42 градуса, а совсем не берёт. – Так вот. Оба сотрудника погибли от огнестрельных ранений в область сердца. Выстрелов никто из медперсонала больницы не слышал. Вероятно, стреляли из пистолета с глушителем. Баллистика пока не готова, но уже сейчас можно сказать, что стреляли, по всей видимости, из «ТТ». Ствол убийца забрал с собой. Убийца не только не произвёл контрольных выстрелов, но даже не озаботился тем, чтобы собрать стреляные гильзы. Хотя время для этого у него определённо было. И предостаточно. Далее. Тела сотрудников не перемещали. Из чего можно сделать вывод, что в момент убийства они оба находились на тех же местах, где их обнаружили.

– Значит, скорее всего, они знали убийцу в лицо и его приближение не вызвало у них абсолютно никаких подозрений. С какого расстояния были произведены выстрелы? – спросила я.

– Стреляли практически в упор. На обмундировании убитых сотрудников и в раневых каналах обнаружено большое количество сгоревшего пороха. – Рудович с силой смял сигарету в пепельнице.

– Если ваши сотрудники подпустили убийцу так близко, значит стрелял человек, которого лейтенанты, по-видимому, хорошо знали в лицо.

– Ну это как раз и необязательно. Я думаю, скорее убийца был со стороны и просто воспользовался белым халатом, либо нашей формой. Мы проверили: в данном отделении больницы за последние три недели не было каких-либо изменений в кадровом составе. Никто не увольнялся и никого из новеньких на работу в этот период не оформляли. Всех сотрудников больницы уже опросили, но никто ничего не видел и не слышал. Правда, днём были практи-

канты из медучилища, но, я думаю, этих в расчёт принимать не стоит. Второй курс, совсем ещё дети.

– В общем, насколько я поняла, у вас ничего конкретного нет.

– Действительно, пока нет результатов экспертиз, идут первичный сбор материалов и поиск свидетелей, а также работа с агентурой, я бы не стал так категорично ставить вопрос. Сама знаешь, со временем обязательно объявятся свидетели...

– Вот именно, что со временем. А у меня, как ты догадываешься, его-то как раз и нет. Ждать, пока раскрутится ваша неповоротливая следственная машина и даст первые результаты по делу, можно достаточно долго. Ты хоть это понимаешь?

Рудович согласно кивнул и плеснул мне в бокал немного виски:

– Я тут, знаешь, что подумал? Есть у меня один человек, который, уверен, поможет нам в плане поиска необходимой информации, от которой, возможно, и удастся оттолкнуться.

– Слушаю тебя внимательно, – я поудобней расположилась в кресле и приготовилась слушать.

– Поскольку ты утверждаешь, что твоя подруга приехала в Беларусь на встречу с человеком, якобы обладающим сведениями о местонахождении сокровищ Радзивиллов, то это дело, если, конечно, взглянуть на него в этом ракурсе, приобретает особую государственную важность. И потом, если всерьёз принимать эту версию за рабочую, то нам, на мой взгляд, нужно плясать от надписи, оставленной на песке Базилем. А именно, для начала необходимо хотя бы просто выяснить, что собственно из себя представляет это самое колье Барбары. И что в нём такого особенного, если за ним такой след из трупов тянется. Колье – это единственная на сегодняшний день более-менее серьёзная версия. Согласна?

– Возможно, ты и прав. По крайней мере, Томка придавала этому украшению очень большое значение. Правда, насколько я помню, она утверждала, что раздобыть какую-либо информацию об этом колье просто невозможно, – с сомнением покачала я головой.

– Я знаю, к кому мы можем обратиться за помощью. И если нам не сможет помочь этот человек, то, скорее всего, это не сможет сделать больше никто. Я говорю о своей школьной учительнице истории Галине Николаевне.

– Рудович, ты что же, всерьёз считаешь, что простая школьная училка может обладать некоей секретной информацией, которую свято хранили столько лет потомки управляющего дома Радзивиллов?

– Во всяком случае, она прекрасно знает не только историю семьи Радзивиллов, но и долгое время собирала любую информацию о судьбе пропавших сокровищ. Ещё раз повторяю, если кто-то и может помочь нам разобраться в этом деле, то это только она. К тому же её покойный муж, насколько я помню, в семидесятых годах долгое время возглавлял наше городское «угро» и нам, как говорится, сам бог велел ознакомиться с семейным архивом моей учительницы.

Москва, Следственная тюрьма НКВД СССР, май 1941

– Об этом, я полагаю, вам лучше всех рассказали бы ваши генералы Тучков и Барклай-де-Толли, – тихо ответил князь Леон, промокнув кончиком платка разбитую губу.

Следователь Гоглидзе смерил поникшую фигуру сидящего перед ним человека презрительным взглядом: – Шутить вздумал? Я тебе пошучу! Гнилой ты всё-таки человечешка, хоть и князь. Тебя, можно сказать, по-хорошему просят рассказать, а ты кочевряжишься тут передо мной, аристократа из себя корчишь. Тебе же всё равно «вышак» ломится. А так есть шанс выбраться отсюда живым и почти здоровым. Или ты думаешь, что если тебя сразу не кончили, тогда, в 39-ом, так и теперь тебе эти выкрутасы с рук сойдут? Даже не надейся. Советская власть, конечно, гуманно относится ко всем без исключения. Даже к таким недобиткам, как

ты, но и её терпение не вечно. Последний раз спрашиваю: где в твоём долбаном замке спрятаны ценности?

В этот момент в кабинет зашёл майор НКВД Азаров. Следователь резво отскочил от арестованного к своему столу и вытянулся в струнку.

– Товарищ майор, провожу допрос...

– Вы свободны, лейтенант! – процедил сквозь зубы майор.

– Как вы себя чувствуете? Есть ли жалобы, просьбы? – сев за стол следователя, едва за тем закрылась дверь, спросил Азаров.

– Жалобы? – удивился Леон. – Нет. Жалоб и просьб у меня нет, – потрогав разбитую губу, твёрдо ответил князь.

– Хорошо. Тогда не будем терять время и сразу перейдём к делу, – майор доброжелательно улыбнулся, – о чем вы беседовали со следователем?

– Беседовали? – опять вопросом на вопрос ответил князь. – Хорошо, пусть так. Как вам будет угодно. Господин следователь спрашивал меня, где я спрятал фамильные драгоценности в ноябре 1939 года, в ночь перед приходом в Несвиж Красной Армии.

– И что вы ему ответили? – прищурился майор.

– Я уже не один раз отвечал на этот вопрос. Если будет угодно господину майору, я отвечу ещё раз. В Несвижском замке ещё после захвата его русскими войсками в 1812 году не осталось абсолютно никаких ценностей. И в конце 1939-го там также никаких драгоценностей в интересующем вас имении не было. Последнее время мы жили довольно скромно... Вы спросите прямо, что конкретно вас интересует. Что-то определённое или мы всё-таки говорим сейчас о ценностях вообще? Поймите меня правильно. Для меня как потомка рода Радзивиллов бесценной драгоценностью может являться даже маленькая серебряная ложечка, которой меня кормила в детстве нянька... Поэтому...

– Хорошо. – Азаров перебил князя и уселся за стол, открыл принесённую с собой папку и принялся шелестеть бумагами. – Здесь у меня, – офицер многозначительно постучал согнутым указательным пальцем по папке, – копии переписки хорошо известной вам Ганны Радзивилл, проживающей сейчас во Франции, со своей родственницей, называть её имя я не буду. В этом пока нет необходимости. В своём письме Ганна интересуется, каким образом можно списаться с сыном вашего управляющего Янеком, проживающим сейчас на Мальте. Как вы думаете, с какой целью ваша родственница разыскивает сына бывшего управляющего замком?

– К моему большому сожалению, я не могу ничего сказать по этому поводу. Я это письмо, естественно, не читал, но если там нет никаких подробностей, это означает только, что у Ганны есть какое-то сугубо личное дело к Янеку. И, весьма возможно, здесь вообще замешаны дела сердечные. Ганна девушка молодая, а Янек, насколько я знаю, тоже молод и, как я слышал, хорош собой. Откуда мне знать? – пожал плечами князь.

– Нет. – Азаров встал и вплотную подошёл к князю, – дела амурные, к сожалению, здесь ни при чём. Ганна прямо интересуется у вашей родственницы о судьбе некоего колье. Та ей отвечает, что этого не знает никто, но всё же советует обратиться с этим вопросом к вашему бывшему управляющему или к его сыну. О чем идёт речь? Что это за колье? И я хочу знать, по какой причине оно так интересует Ганну? И почему следует обратиться с этим вопросом именно к Янеку?

– Господин майор, я, кажется, знаю, о чем идёт речь в этом письме. Вероятно, Ганну интересует колье, которое в своё время, очень давно, привёз из Константинополя мой далёкий предок Ян Бородатый. Но вынужден вас разочаровать. Оно пропало из замка ещё в конце семнадцатого века. И больше в нашей семье эту драгоценность никто не видел. Произошло это, кажется, в самый канун свадьбы Великого Канцлера Литовского Кароля и Анны Сангушки. Больше я об этом ничего не знаю.

– Но почему княжна вспоминает об этом колье спустя больше ста лет? Вам не кажется это странным?

– Абсолютно не кажется. Молодёжь часто интересуется семейными легендами и преданиями. Это вполне естественно в их возрасте. Когда-то и мы были такими же неисправимыми романтиками. Так что я не стал бы на вашем месте придавать такое значение романтическим настроениям столь юной особы.

– И к какой из многочисленных семейных легенд вашего рода восходит история этого колье? – Азаров снова сел за стол и приготовился записывать.

– Увы, господин майор, эта грустная история, подробности которой мне действительно неизвестны, – пожал плечами Леон, – прошло столько времени с тех пор. Бабушка моя мне наверняка рассказывала эту красивую сказку в детстве. А я, признаться, был не очень внимательным слушателем. Помню только, что речь шла о несчастной любви. Болтали, что якобы бы Кароль был влюблён до своей женитьбы на Анне Сангушке в городскую простолюдинку. Совершенно невероятная история. Я лично считаю, что это всё сказки. И в то время быть такого просто не могло...

Дачный посёлок, близ Несвижа, наши дни

Как выяснилось, бывшая учительница Рудовича проживала достаточно далеко за городом, на собственной даче. Свою городскую квартиру, вероятно зарабатывая таким образом существенную прибавку к пенсии, она сдавала. Поэтому мы подъехали к аккуратному дачному домику, стоящему за забором из сетки рабицы, густо увитым диким плющом, поздно вечером. Рудович привычно толкнул скрипучую калитку и уверенно прошёл по выложенной старым щербатым кирпичом дорожке прямо к деревянному крыльцу, тускло освещённому мутной лампочкой, вокруг которой вилась туча мошкар. Я тут же сделала вывод о том, что мой друг бывал здесь уже не раз, что было для меня неожиданностью. Лично я не могла похвастаться такой привязанностью к своим школьным учителям.

Ерёмкина Галина Николаевна оказалась невысокого роста крупной женщиной с хитрым прищуром глаз на приятном открытом лице, достаточно приветливой и проворной для своих лет. Она очень обрадовалась неожиданным гостям и, по-деревенски причитая, проводила нас в большую уютно обставленную старомодной, но добротной мебелью комнату, сразу усадив за большой круглый стол. Пока хозяйка дома вместе с Рудовичем хлопотала на кухне, я внимательно огляделась по сторонам. В приглушённом свете низко нависшего над столом старого матерчатого абажура, освещавшего комнату мягким зеленоватым светом, я разглядела на обшарпанном деревянном комодке неплохую коллекцию фарфоровых статуэток ещё советского периода, среди которых были несколько штук определено уникальных. Например, статуэтку «Сталин и дети», по крайней мере в Москве, можно было без труда и почти мгновенно продать никак не меньше чем за пару тысяч долларов. Спасибо моей подруге Томке, хозяйке сети антикварных магазинов – поднатаскала меня в своё время. Поэтому первую мысль о том, что старая училка Рудовича сдаёт городскую квартиру для дополнительного заработка, я мгновенно отбросила. Уж слишком хорошая и вполне профессионально подобранная коллекция фарфора красовалась на старом комодке. Человек, собравший её, не мог не знать истинной стоимости безделушек. Над комодом висели несколько десятков групповых фотографий школьников в потемневших от времени простых деревянных рамках. Я встала и подошла поближе. С чёрно-белых снимков, вне всякого сомнения, на меня смотрели многочисленные ученики Галины Николаевны.

– А вот и мы, – услышала я за спиной приятный голос хозяйки, – это всё мои ученики, – с гордостью кивнула она на фотографии. Присаживайтесь к столу и рассказывайте, что вас привело ко всеми позабытой старухе.

– Ну полноте вам, Галина Николаевна, – зачем же так. – Ученики ведь к вам часто захаживают? – смутился Рудович.

– Пока в городе жила, частенько бывали. А сейчас всё реже и реже. Оно и понятно – у всех семьи, дети, работа. Да и проблем сейчас с нашей жизнью выше крыши. Но я не в обиде. Ладно, давайте быстренько присаживайтесь к столу и рассказывайте, зачем пожаловали, а то вижу, как у вас глаза-то горят.

– Мы к вам, Галина Николаевна, собственно вот по какому делу. – улыбнулся Рудович, – даже не знаю с чего и начать.

– Говорите, как есть, Григорий, что за нужда заставила вас тащиться так далеко за город, да ещё в такую поздноту. Чем могу обязательно помочь. – подбадривающе улыбнулась в ответ старая учительница.

– Нас интересует колье Барбары, – видимо, собравшись с силами, выпалил Рудович.

Даже в полумраке комнаты было видно, как мрачная тень пробежала по лицу пожилой женщины.

– А что именно вас интересует?

– Ну, хотелось бы понять в общих, так сказать, чертах, что имеется в виду, когда упоминается этот предмет, – начал мямлить Рудович.

– Кем упоминается? – тут же быстро спросила учительница.

Видя, что вопрос поставил моего друга в тупик, я решила взять инициативу в свои руки:

– Понимаете, Галина Николаевна, из-за этого пресловутого колье похитили мою близкую подругу, и сейчас ей угрожает смертельная опасность. Перед похищением в подземелье Несвижского замка были убиты её охранники и ещё один человек. Вот он-то перед смертью и успел начертить на песке всего пару слов: «колье Барбары»...

– Понятно, – прервала меня женщина и, взглянув на меня, продолжила:

– Видать, не упокоился ещё дух красавицы Барбары...

Против нашего ожидания, Галина Николаевна не сказала нам больше не слова, а молча встала из-за стола и вышла в другую комнату. Не успели мы с Рудовичем удивлённо переглянуться, как тут же вернулась хозяйка дома, неся в руках довольно большую картонную коробку, перевязанную замусоленными тесёмками. Молча поставила её перед нами прямо на стол со словами:

– Здесь, я думаю, вы найдёте всё, что вас интересует. От мужа осталось, – последние слова она произнесла еле слышно и совсем по-старушечьи, шаркая тапками по полу, удалилась.

Я осторожно придвинула к себе коробку и развязала тесёмки. На стол посыпались пожелтевшие газетные вырезки, старые фотографии, какие-то документы, отпечатанные на машинке, листки, скреплённые ржавыми канцелярскими скрепками, выдранные из записных книжек, ежедневников или просто школьных тетрадей в клетку, а то и в косую линейку с какими-то заметками, цифрами, номерами телефонов. Одна чёрно-белая фотография особенно привлекла моё внимание. На ней, обнявшись, стояли красивая девушка в простеньком свадебном белом платье и стройный молодой человек в строгом тёмном костюме. В невесте я без труда узнала хозяйку дома. Отложив фото в сторону, я продолжила разбирать документы. С первого взгляда было видно, что бумаги сложены без какой-либо системы, а проще говоря, просто собраны в кучу и небрежно засунуты в первую попавшуюся и подходящую по размеру коробку. Впрочем, возможно, кто-то до нас уже искал что-то в этих документах, а потом просто, как пришлось, запихнул всё обратно. Как бы там ни было, но я была искренне благодарна старой учительнице и за это. Я на глаз разделила кучу бумаг примерно на две части, одну оставила себе, другую же решительно придвинула к Рудовичу...

Через часа полтора от изучения документов меня отвлекло ровное сопение Рудовича. Я посмотрела на часы – половина третьего ночи. Потом перевела взгляд в сторону дивана, на котором примостился заваленный кучей бумаг мой друг. Он, устало подложив руки под

голову, крепко спал. Я осторожно встала, выключила свет и, собрав документы, тихонько вышла на веранду, плотно притворив за собой дверь. Удобно расположившись в глубоком кресле, я разложила на коленях бумаги и опять углубилась в чтение:

...Родоначальником Радзивиллов считается Ян по прозвищу «Бородатый»...

...В 1492 г. в возрасте 18 лет Радзивилл Бородатый женился на 16-летней Эльжбете Гаштольд. В том же году молодожёны присутствовали на коронации Великого Князя Литовского и короля Польского Александра Казимировича. Пышная церемония проходила в Виленском соборе... – Томка говорила, что именно во время этой церемонии на Эльжбете было то самое кольцо. Но здесь упоминания о нём не было. Так, читаем дальше:

...Эльжбета Гаштольд, с которой Ян прожил 10 лет, родила ему пятерых детей, однако все они умерли в раннем возрасте.

От второго брака с Богданой Лукомской Ян имел двух дочерей.

Свою будущую третью жену Анну, дочь Станислава Кишки, он встретил, когда его брат Юрий попросил быть его сватом к Барбаре.

«...тем разом сватаючи Барбару Кишчанку, княжну, у её родичей Радзивилл вёл себя не как подобает свату, меньше говорил, а все молчал и смотрел на сестру невесты, чем немало её смутил...».

На тот момент он ещё был женат. После смерти Богданы, как только закончился положенный год траура, Ян сразу посватался к Анне.

Анна родила ему сыновей Николая и Яна, и дочь Анну. После этого брака с Анной, владения Яна Бородатого значительно увеличились, в качестве приданого он получил Олыку, Дубравы, Лахву, Нядреску, Несвиж, Узду, Шацк...

...В 1519 году неожиданно умирает брат Яна Войцех, епископ Луцкий. В начале 1542 года смерть настигла и сестру Анну. Следующей жертвой во всей этой череде смертей был брат Николай, Канцлер Великий Литовский. На его похоронах вельможи уже вполне открыто говорили об умышленных отравлениях. В том же 1542 году почувствовал себя плохо и сам Ян Бородатый. Предчувствуя свою близкую смерть, он оставил письмо, в котором просил короля и великого князя Сигизмунда I Старого взять под свою опеку его семью. Враги, решившие уничтожить род Радзивиллов, действовали очень хитро. Они использовали для убийств яд, действие которого было очень медленным и малозаметным для окружающих жертву людей, поэтому и казалось, что смерть их жертв наступала вследствие естественных причин. Ян Бородатый так и не узнал, кто его убийца. Многие в то время в Речи Посполитой были уверены, что убийца – это Бона Сфорца. Властная и очень коварная женщина мечтала только об абсолютной власти. Она быстро подчинила себе старого короля и не раздумывая пошла дальше. Теперь на её пути встали Радзивиллы. Они и стали её первыми жертвами. Среди вельмож прочно утвердилось мнение, что Сфорца люто ненавидела Радзивиллов за то, что король Сигизмунд Старый до женитьбы на Боне всерьёз интересовался Анной Радзивилл. Сфорца же в свою очередь видела красоту и ум Анны и очень боялась потерять мужа. Эта мысль буквально сводила её с ума и заставляла считать именно Анну своей самой серьёзной соперницей. А потому, не раздумывая вступила в смертельную схватку за сердце короля...

Посторонний шум за окном оторвал меня от чтения, и я прислушалась. Начиналась гроза. Первые крупные капли дождя дробью сильно забарабанили по стёклам. Сверкнула молния. Мне показалось, что за мокрым окном веранды промелькнула неясная тёмная тень.

Настольную лампу я выключила уже в падении. Едва я оказалась на полу, как со звоном разлетелось оконное стекло, лопнул розовый абажур лампы, осыпая меня осколками. Автоматная очередь тихо прошелестела над моей головой, пули пробежались по старым брёвнам, с противным визгом впиваясь в стену и осыпая меня щепками. Это продолжалось всего несколько секунд, и тут же всё стихло. Я осторожно перевернулась набок и прислушалась. Кроме шума дождя и ветра до меня не доносилось ни единого постороннего звука. Осторожно подняв

голову, я решила выглянуть из-за перевёрнутого мной в падении массивного кресла. Тут же с грохотом распахнулась дверь за моей спиной, и на веранду выскочил растрёпанный и сонный Рудович.

– Наташка, с тобой всё в порядке? – сразу бросился он ко мне, протянул руку, помог подняться.

– Да всё нормально, Гриша, – я, видя, что опасность миновала, стремительно вскочила с пола и, увлекая за собой Рудовича, бросилась наружу. Поскользнувшись на мокрых ступеньках, я с трудом удержала равновесие и решительно прыгнула в темноту. Сзади вполголоса чертыхнулся Рудович, запутавшийся в темноте в тюлевой занавеске, висевшей в дверном проёме. Дождь быстро набирал силу, стремительно переходя в ливень. Чёрное небо в гневе швыряло на землю ветвистые молнии. В их ослепительно-белых вспышках тёмными силуэтами проступали причудливые тени деревьев. В мгновение ока я промокла насквозь, одежда холодным панцирем неприятно липла к спине. Рядом тяжело задышал Рудович, который с пистолетом в руке успел сделать несколько кругов вокруг дома. И, естественно, безрезультатно. Я прислушалась. Где-то далеко впереди, за деревьями, завелась машина, раздался визг покрышек – и всё стихло.

– Ладно, пошли в дом, – тронула я Рудовича за рукав. – Всё равно в такой темноте никаких следов не найдёшь. – Я безнадёжно махнула рукой, – а за ночь дождь всё смоеет. Даже если они и наследили.

– Стреляли из автомата с глушителем, – задумчиво проговорила я, проведя рукой по пулевым отверстиям в потемневших от времени брёвнах. – Интересно, как они нас вычислили? И ведь что характерно: убивать нас явно не собирались. Пальнули, я так понимаю, для острастки.

– Согласен, – пробормотал Рудович, круговыми движениями рук вытирая мокрую голову кухонным полотенцем с легкомысленными васильками. – Хотели бы завалить, дождались бы, когда мы выйдем из дома, и полоснули бы очередью от души. А так... Пуганули просто.

– Галина Николаевна, да не волнуйтесь вы так. Присядьте. – я заботливо взяла под руку бледную учительницу, которая выскочила на шум в одной ночной рубашке, зябко кутаясь в тёмную шаль. – И знаете, что? Сделайте-ка нам чайку. Да покрепче. Хорошо? – развернув напуганную женщину на сто восемьдесят градусов, подтолкнула к двери в дом. И обернулась к Григорию, – ну, что стоишь, как памятник Дзержинскому? Вызывай своих...

Пока хозяйка дома хлопотала у настоящего угольного и начищенного до блеска самовара, мы с Рудовичем быстро привели себя в порядок и в ожидании следственной бригады вышли покурить на свежий воздух. Дождь прекратился так же внезапно, как и начался, небо стремительно светлело и прямо на глазах окрашивалось в розовый цвет – занималась заря.

– Ну, и что мы имеем? – задумчиво пробормотала я, не в силах оторваться от созерцания красот природы. – А имеем мы, товарищ капитан, пока дырку от бублика, и это не считая похищения Тamarки, гибели её охраны и смерти таинственного Базиля. Плюс двое погибших сотрудников вашего КГБ. Покушение на нас грешных я в расчёт уже не беру. Вот и как ты, Гриша, думаешь, может такая каша завариться вокруг какого-то то ли существующего, то ли вообще мифического колье? Что-то мне не очень верится...

– А я, если помнишь, – охотно подхватил мою мысль Рудович, – тебе сразу сказал, что вся эта сказочка про сокровища Радзивиллов была сочинена только для отвода глаз. Ну сама посуди. Ведь о том, что ты сорвёшься с места и прилетишь в Белоруссию, никто не знал?

– Никто. За исключением Томки. И если я правильно понимаю ход твоих мыслей, то сразу отвечу, что именно это всё меняет. Пойми, наконец, она просто позвонила мне и попросила помощи. Потому что ей на самом деле некому было больше звонить! А если её к тому времени плотно пасли, то и телефон, с которого она мне звонила, и номер в санатории, где она остановилась, скорее всего, были уже на прослушке. Так что, друг мой ситный, я не вижу ничего

удивительного в том, что за мной тоже по прибытии было сразу же организовано наблюдение. А сейчас, когда Томка, – мой голос предательски дрогнул, – у них... тем более очевидно, что моё инкогнито, увы, давно таковым не является.

– Это как раз не проблема. Те, кто совершил все эти преступления, рано или поздно начнут делать ошибки, и один из этих проколов неминуемо станет для них роковым. Так всегда бывает.

– Да. Этим, как правило, заканчиваются преступная деятельность очень многих. Но в данном конкретном случае что-то мне подсказывает, что мы впервые столкнулись с чем-то совершенно иным. Тайным, что ли. Даже не знаю как сформулировать свою мысль. Пони-маешь, нас с тобой хорошо натаскали раскрывать большие заговоры, громкие политические убийства и преступления, совершенные против огромной и мощной машины, именуемой государством. А вот, например, раскрытие убийства дяди Лёши, слесаря с соседнего механического завода, неизбежно и вполне закономерно заведёт нас в тупик. Потому как в среде, где вращался этот самый дядя Лёша, действуют совершенно другие законы, другие настроения и проблемы. По большому счету это враждебная нам среда со своими, часто не совсем понятными нам заморочками. Так и здесь. КГБ при всей своей несомненной мощи не может тягаться в проведении такого рода расследования с простым участковым, замотанным пустяковыми с нашей точки зрения делами, как например кража двух лифчиков и банного полотенца с верёвки около дома.

– Кстати, о верёвках, – вдруг услышала я за спиной знакомый голос.

Я обернулась. Рядом с чёрной кожаной папкой в руках стоял подполковник, который вместе с Рудовичем встречал меня в гостинице.

– Ой, – по-бабьи всплеснула я руками, – а мы и не слышали, как вы подошли. Прямо как ниндзя какой-то. А меня научите так же? – продолжила я «валять дурочку», несмотря на испепеляющий взгляд Рудовича, который, делая большие круглые глаза, отчаянно жестикулировал за спиной начальника, призывая меня к порядку.

– Отчего же не научить. Научу, а, вернее, покажу. Здесь нет ничего сложного, – подполковник, как и подавляющее большинство мужчин, оказался падким на лесть и отчаянно покраснел. Я так поняла, от удовольствия. – Вот привёз вам результаты экспертизы по верёвкам, обнаруженным на трупах. На мой взгляд, тут есть кое-что интересное и даже неожиданное...

С этими словами он открыл папку и зачитал:

– Представленные на экспертизу фрагменты волосяных верёвок по данным углеродного анализа датируются концом семнадцатого – началом восемнадцатого веков. Примерно между 1680 и 1710 годами. Так что вот так. Но это только начало.

Я выразительно посмотрела на Рудовича, который только пожал плечами и снова выжидательно уставился на подполковника.

Тот, послунявив палец, неторопливо перелистнул страничку и продолжил:

– По архивным данным, похожие верёвки обнаруживались в нашем районе аж трижды. Первый раз – сразу после войны в 1946 году. Пацаны нашли лаз в подzemелье и примерно в сорока метрах от входа наткнулись на четыре человеческих скелета. Хорошо, что, выбравшись наружу, один из подростков проболтался о страшной находке своей семилетней сестре. Та, естественно, тут же наябедничала матери. Ну, а уже она сообщила в милицию. Из подzemелья были извлечены останки русских солдат времен Отечественной войны 1812 года. С идентификацией проблем не было, так как на скелетах довольно неплохо сохранились достаточно крупные фрагменты обмундирования. Так вот. У всех четверых в районе шейного отдела позвоночника были обнаружены верёвочные петли, предположительно изготовленные из волосяных верёвок. Повреждений шейных позвонков участковый врач, производивший осмотр останков, не зафиксировал. Как, впрочем, и каких-либо других ранений или травм.

Далее, в 1952 году также подростками в подземелье были найдены останки трёх солдат Вермахта. На трупах опять те же верёвки. Причём, в этом случае всё пространство вокруг погибших солдат было сплошь усыпано стреляными гильзами. Создавалось впечатление, что они открыли беспорядочную стрельбу из автоматического оружия и поливали пулями все вокруг, до тех пор пока у них не закончились патроны. Все это крайне напоминает состояние паники, охватившее перед гибелью охрану вашей подруги.

И, наконец, в 1968 году в том же подземелье были обнаружены останки трёх сотрудников НКВД с аналогичными фрагментами верёвок в области шеи. Если бы не такой значительный разброс во времени всех этих происшествий, самое время было бы объединить все дела в одно и начинать усиленно искать маньяка.

– А так? – поинтересовалась я.

– А так, честно говоря, не знаю что и думать, – пожал плечами подполковник. – Если удастся доказать связь между похищением гражданки Лурье, убийством в подземелье Несвижского замка и убийством офицеров КГБ, то, возможно, дела всё же объединят. Только вот как сюда пришить трупы периода войны 1812 года? Да и погибшие немцы как-то не очень вписываются во всё это. Хотя... Криминалисты дали окончательное заключение, что в больнице наших сотрудников застрелили из «ТТ». Но самое интересное то, что пистолет этот однозначно ещё военного выпуска. На пулях и гильзах обнаружены незначительные следы коррозии. Мы попробуем, конечно, установить, за кем именно был закреплён ствол, но надежды мало. Видимо, он долго лежал где-то до поры до времени. А во время войны, особенно в первые месяцы, оружие выдавалось отбывающим на фронт без всяких формальностей. Да и вообще, бесхозного оружия тогда по рукам ходило бесчисленное количество. Но самое плохое – это то, что, боюсь, Прокуратура нас с этими верёвками мгновенно на смех поднимет.

– А как вы думаете, что будет, если ваша развесёлая прокуратура не раскроет в ближайшее время убийство двух сотрудников вашего же КГБ? Боюсь, тогда ей будет совсем не до смеха, – горько пошутила я.

– Это как раз понятно. Только вот с подобным мы сталкиваемся в первый раз. Если даже предположить, что в подземелье несколько дней назад действовал некий раздражитель, то совершенно непонятно, где он взял информацию о всех аналогичных случаях? Её же нет в свободном доступе.

– А может быть, этот некто взял её там же, где и вы? – машинально лягнула я, не подумав, и сама испугалась.

– Давайте всё же постараемся не усугублять, – после недолгой паузы медленно проговорил подполковник, – не будем давать нашей фантазии слишком уж разгуляться, а то можно до такого договориться... – махнул он огорчённо рукой и замолчал. А я, взглянув в глаза подполковника, ясно поняла, что очень некстати приобрела в его лице себе врага.

– Хорошо, не будем делать слишком смелых и совершенно ничем не подкреплённых предположений, – искренне желая загладить свою вину, согласилась я, – я вовсе не то хотела сказать...

– Ладно, – кивнул головой подполковник, – извинения принимаются. На чем мы остановились? Так вот, кроме всего вышеизложенного, если мы все же предположим, что все это каким-то непостижимым образом умудряется проделывать некий раздражитель, то остаётся совершенно неясным, как ему удаётся так воздействовать на людей, что они все погибают от страха? И...

– И, конечно, ни во что потаённое мы естественно не верим? – опять не слишком вежливо перебила я подполковника, и виновато опустила глазки.

– Всё это, как вы его называете «потаённое», увы, не по нашему, да и не по вашему ведомству тоже. Если бы не похищения и гибель наших сотрудников, думаю, никто бы и не заин-

тересовался этими столь давними историями. С, прямо скажем, сказочными сюжетами, жаль только, что все они так грустно закончились.

– Хорошо. Пусть так. – не стала спорить я. – А можно где-то посмотреть, какие предметы были найдены рядом с обнаруженными останками?

– Такие сведения есть, и даже некоторые описи сохранились. Правда, только по второму и третьему случаям. Сами понимаете, – подполковник протянул мне папку. – Возьмите. Вам, как ярому стороннику «потаённой» версии, будет крайне интересно и полезно почитать. Я лично прямо как детектив читал, честное слово. В общем, здесь все, что пока удалось найти, – и обернулся к стоящему в нескольких метрах уже знакомому мне микроавтобусу следственной группы. – Ну, что, начнём, благословясь? Вы, Ростова, посидите пока в доме, папочку полистайте. Лады? Наши сотрудники опросят вас, как только освободятся, – сказал, как отрезал и, повернувшись к Рудовичу, приказал:

– Показывай, как вы тут порезвились...

Я сразу решила не злиться и плюнуть на все обиды. Не хотят допускать меня к следственным действиям и, как говорится, хрен с ними. Нисколько и не обидно. Посижу на веранде, почитаю. Оттуда, кстати, всё видно. А Рудович потом мне всё расскажет, никуда не денется. Если, конечно, будет что, – мысленно не удержалась я от язвительного выпада в сторону белорусских коллег.

Уже третий час я смиренно сидела на старом потёртом плюшевом диване и старательно делала вид, что меня абсолютно ничего из происходящего вокруг не интересует. Даже курить ни разу не выходила. Дымила прямо на веранде. Конечно, с разрешения хозяйки. А то ещё подумают, что я что-то вынюхиваю. В конце концов, у меня тоже гордость есть.

Вынужденное временное бездействие морального дискомфорта не доставляло и, если быть до конца честной, абсолютно не тяготило. Всё равно я совершенно не представляла, в каком направлении теперь нужно двигаться. Информация по аналогичным эпизодам вроде бы по законам логики должна была натолкнуть нас на какие-то новые мысли. Но в данном случае, по-моему, все эти древние останки несчастных солдат запутали всё ещё больше. Становилось очевидным только, что для того, чтобы хотя бы на шаг приблизиться к разгадке, не говоря уж о том, чтобы приоткрыть этот «Ящик Пандоры», придётся изрядно попотеть, напрягая не только мозги, которые и без того уже были, как говорится, «набекрень», но и ноги. Потому как давно известно – опера, как и волка, именно они и кормят. Но вместе с тем я чувствовала, что нечто потаённое и страшное незримо обитает в этом милейшем белорусском городке под названием Несвиж и в его окрестностях. Голову прозакладывать можно...

Уже начало смеркаться, как ко мне на веранду заглянул попрощаться подполковник собственной персоной и доложил:

– Мы закончили. Рудович вам всё расскажет. От себя могу только поблагодарить за понимание, – и увидев, что я удивлённо изогнула бровь, пояснил:

– Что не путались под ногами, а дали нам возможность спокойно сделать своё дело. Всего хорошего. До свидания. – повернулся и вышел.

– Ну рассказывай, нашли что-нибудь? – нетерпеливо спросила я, наблюдая за Рудовичем, который, быстро уничтожив одну тарелку наваристого деревенского борща, которым нас угостила хозяйка дома, приналёг на вторую.

– Стреляли из «Калашникова» с глушителем. Из стены извлекли восемь пуль. Результаты экспертизы будут готовы завтра утром, – начал Рудович с набитым ртом.

– А гильзы? – сразу спросила я.

– Слушай, Ростова, дай хоть пожрать спокойно. Что ты за человек? Ни поесть с тобой спокойно, ни поспать. Неудивительно, что ты до сих пор в девках ходишь.

– Ну, знаешь, Рудович... – сразу надулась я и вышла покурить на улицу, сильно хлопнув дверью.

– Ну, ладно, не обижайся, – сзади неслышно подошёл Рудович. – Я не хотел тебя обидеть, – пробормотал он виновато и хотел меня обнять.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.